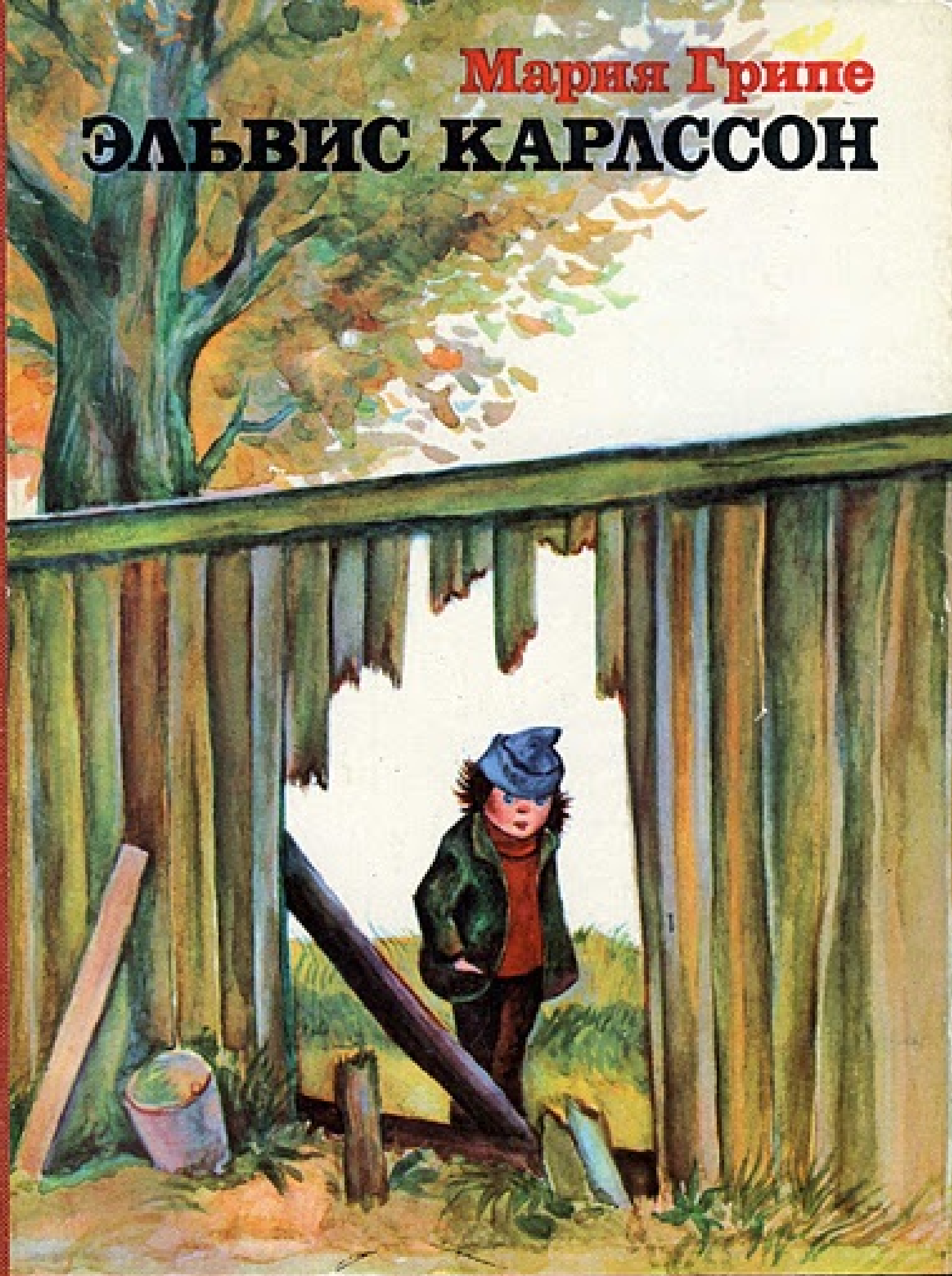


Мария Грипе
ЭЛЬВИС КАРЛССОН



- [Мария Грипе](#)

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

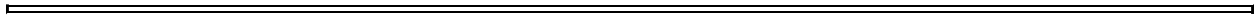
- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)



Мария Грипе Эльвис Карлссон

Повесть

*Перевод со шведского С. Тархановой
Рисунки Харальда Грипе*





Эльвис сидит в своей кроватке и играет пуговицами на пижамной куртке.

Сегодня воскресенье. Эльвис давно уже не спит. Сквозь щели между шторами ярко светит солнце. Утро, наверно, уже прошло. Пожалуй, сейчас полдень. В комнате совсем тепло.

Эльвис пробует по очереди все петельки. Одну пуговицу расстегнёт, другую — застегнёт. Ой, пуговица оторвалась! Наверно, закатилась под кровать. Не видно её что-то... Придётся слезть поискать.

Но ведь тогда они проснутся...

Эльвис смотрит на папу и маму: они лежат в своих кроватях не шевелясь и спят. Вот так всегда по воскресеньям: у них нет сил подняться. Потому что накануне они допоздна были в гостях. Легли спать чуть ли не под утро.

Говорят, все мамы и папы по субботам отправляются в гости. Надо же им отключиться немножко, если уж выдалось свободное время, а то ведь всю неделю только работай да работай. В будни — не до развлечений. Придётся Эльвису к этому привыкнуть, все дети привыкают, говорит мама. Детям хорошо: у них нет забот, поэтому им не надо отключаться.

Отключаться — это то же самое, что развлекаться. Это значит, что

родители зовут гостей или сами уходят в гости.

Но ведь и у Эльвиса уйма всяких дел, про него никак не скажешь, что у него нет забот. Только спорить не стоит, а не то сразу скажут: кто не ходит в школу, тому и делать нечего. Вот когда он поступит в школу, тогда только он поймёт, что к чему, тогда только начнётся настоящая жизнь, говорят взрослые.

Махнув рукой на пуговицу, Эльвис берёт мамин журнал.

Настоящая жизнь — какая она?

Он совсем не рад, что скоро пойдёт в школу. Что его там ждёт? Куча учителей и куча детей, и все разом галдят. Где уж тут человеку заниматься делом!

Хоть бы папа с мамой проснулись...

Эльвис прислушивается к их дыханию. Он наперечёт знает все звуки, которые они издают во сне, и всегда подмечает, когда родители начинают просыпаться. Папа обычно сопит и похрапывает, а мама зевает несколько раз подряд, потом всё опять стихает, а чуть позже слышится долгий, глубокий и притом недовольный вздох: мама не любит просыпаться. Зато папа любит, но, конечно, не по воскресеньям, после этого самого отключения.

Эльвис тоже любит просыпаться по утрам, хотя он тогда только хороший, когда спит. Это мама так сказала:

— Ты, Эльвис, тогда только хороший, когда спишь. В кроватке ты мальчик как мальчик.

Хорошо бы сейчас уснуть: тогда не пришлось бы вот так сидеть в кровати и ждать. Не очень-то это весело. Всё воскресенье пропадёт. А ведь воскресенье могло быть самым что ни на есть весёлым днём. Выбраться бы только из спальни так, чтобы не разбудить родителей. Тогда до самого обеда делай что хочешь.

Но он не смеет даже попробовать. Если он их разбудит, ему попадёт. После этих самых отключений папа с мамой всегда сердитые.

У мамы очень чуткий сон. Стоит только спустить одну ногу на пол, и мама проснётся. И сразу же залает на кухне Сессан, как только слышит мамин голос, и тут, уж конечно, проснётся и папа и начнёт всех ругать.

«Почему в этом доме никогда не дадут человеку выспаться?!» — закричит он.

Тогда дело плохо. Весь день будет испорчен.

Так что сиди и жди.

Опять жди...

Эльвис листает мамин журнал. В нём одни взрослые

сфотографированы, детей совсем нет. Один ребёнок на весь журнал, да и тот ненастоящий. Дедушка тоже это заметил. Ребёнок тут только для полноты картины, сказал он. Чтобы мамочка его показалась ещё милей с младенцем на руках. А вовсе не для того, чтобы показать людям ребёнка.

Но Эльвис даже и для этого не годится: если его сфотографируют вместе с мамой, мама от этого ничуть не выиграет. Мама всегда прогоняет его, когда её снимают: уж очень плохо он выходит на снимках.

А ему всё равно.

Эльвис берёт чёрный мелок и в журнале, там, где лица, всюду рисует чёрные квадраты. Только ребёнку он оставляет лицо. Да ещё подрисовывает ему глаза, чтобы они казались побольше и ребёнок мог лучше ими видеть.

Ой, а вдруг мама рассердится, что он испортил журнал?...

«Всё это мне за грехи мои», — обычно говорит она.

Она думает, что он послан ей в наказание за что-то такое, что она сделала когда-то давно-давно, задолго до его появления на свет. Так вот всегда думаешь, когда напроказничаешь, а потом вдруг стукнешься обо что-нибудь...

Когда тебя наказывают, это больно. Как-то раз Эльвис скакал на кухонном диване и проломил его и за это в наказание сам стукнул себя по ноге. А когда мама родила его, ей тоже было очень больно. И мама сказала, что никогда в жизни больше не хочет иметь детей. Как-то раз она кому-то так сказала по телефону. Хватит с неё Эльвиса, сказала она.

Не очень-то приятно знать, что ты послан кому-то в наказание. Хотя теперь Эльвис уже не так сильно из-за этого расстраивается, как прежде. Слишком часто он это слышит.

А вообще неплохо бы узнать, кто это придумал его — Эльвиса. На этот вопрос ему почему-то всегда отвечают по-разному. Мама иногда говорит, что это она сама виновата, глупая, мол, была. А иногда говорит: «Это всё твой папа...» Вот тут уж Эльвис удивился. Папа всегда только всё для дела придумывает. Очень ему нужен такой Эльвис, который даже в футбол не умеет играть.

Но как-то раз мама сказала другое. Она сказала, что это бог дал ей Эльвиса. Тут Эльвис испугался не на шутку, потому что хуже нет наказаний, чем те, что насылают бог. Это он видел по телевизору. Войны и всевозможные беды — все это посылает бог. Всякий раз, когда по телевидению показывают что-нибудь страшное, мама говорит, что это бог хотел покарать людей. И бабушка то же самое говорит. Так что если это бог послал маме Эльвиса, тогда, конечно, дело плохо. Тогда маму и вправду

стоит пожалеть.

— Да, это ужасно, — сказал он как-то раз, когда мама жаловалась на него.

Эльвис сказал это, чтобы, как говорит папа, поддержать разговор. Но тут мама влепила ему звонкую пощёчину, и Эльвису пришлось дать ей сдачи. Выходит, утешать маму тоже не разрешается. Прямо не знаешь, что и делать.

— Ты ударил свою мать? — произнёс папа скорбным тоном, когда мама всё ему рассказала. Вообще-то он никогда не называет маму «матерью». Только когда Эльвис отбивается от неё.

Бывают дети, которые сносят побои и не дают сдачи родителям. Они просто плачут. А Эльвис не плачет: он отбивается. Ему очень стыдно, чуть только он занесёт руку, но он не может сдержаться.

Нет хуже позора для ребёнка, чем ударить свою мать. Эльвис понимает это.

Мамы могут бить своих детей, но дети не могут дать им сдачи. Тогда «мама» сразу превращается в «мать», и вообще нет худшего позора...

А вот дедушка говорит, что дети должны защищаться. И если мама сама дерётся — пусть терпит. Но ведь это дедушка так считает... А маму нисколько не интересует, что считает дедушка.

Мама слушается только своих подруг, всех этих тёток, с которыми каждый день болтает по телефону: Маю, Карин и Ингрид. Что бы они ни сказали — для неё это закон. И она всё рассказывает им про Эльвиса. И они всё время толкуют о воспитании детей. Хотя дети у этих тёток не такие плохие, как Эльвис, просто такие, как все дети.

Один Эльвис не такой, как все. Он конченный человек. Его ничему не научишь. Хотя он уже сколько раз просил у мамы прощения. Чуть ли не за все глупости, которые когда-либо натворил в своей жизни. Пока не попросишь прощения, мама не успокоится.

И то правда, что иногда он очень плохо себя ведёт.

Только вот что странно и совсем непонятно: иногда Эльвис ведёт себя хуже некуда, а мама вдруг становится доброй, как никогда раньше. Он думает: вот сейчас как влепит затрещину! А мама вместо этого вдруг даёт ему денег на мороженое. Будто и не замечает, что он вытворял.

А другой раз вдруг схватишь колотушки совсем ни за что ни про что.

Ничего тут не поймёшь.

Правда, когда мама такая добрая, Эльвис очень жалеет, что послан ей в наказание.

... Опять Эльвис глядит на спящих папу и маму. Никто даже не

шевелинётся. Хоть бы папе захотелось в уборную, что ли!

Бывает, папа встаёт и идёт в уборную. Тут самое время схватить свои вещи, юркнуть из спальни в коридор и спрятаться где-нибудь. Обычно это удаётся: папа чуть ли не спит на ходу и ничего не видит. Он возвращается в спальню и тут же опять ложится в кровать. А мама не просыпается. И не замечает, что Эльвис сбежал. А когда Сессан начинает лаять на кухне, мама думает, это потому, что выходил папа. Вот повезло! Можно хоть полдня гулять, пока мама наконец не высунется в окно и не позовёт тебя.

Но сегодня Эльвису не везёт.

Даже телефон и тот не звонит. Может, они его выключили? А то ведь, бывает, их будит телефон. Правда, иногда это не к добру. Родители сердятся и начинают спорить, кому взять трубку. А вообще-то, мамины подруги, телефонные тётеньки, знают, что по воскресеньям папа дома, и обычно в этот день они редко звонят.

Наверно, сегодня нет даже футбольного матча, на который папа мог бы сходить. Единственный прок от футбола — из-за него в воскресенье папа хоть иногда встанет пораньше.

Папа играет в футбол. Он пытался увлечь футболом и сына. Эльвис ходил с ним на матчи: и когда папа сам участвовал в них, и когда он сидел на трибуне. Папа всякий раз объяснял Эльвису игру и самого Эльвиса учил играть. Он даже обещал купить ему футбольный мяч, если он будет стараться. Но ничего из этого не вышло. Эльвис не любил футбола.

— Наверно, он ещё мал, — сказала мама.

Но папа сказал, что его самого уже считали многообещающим игроком, когда ему было столько лет, сколько сейчас Эльвису. Он ещё в школу не ходил, а уже был многообещающим. А про Эльвиса никак этого не скажешь.

— Из нашего парня футболиста не выйдет, — говорит папа. И по голосу слышно, как ему это досадно.

Папа всегда следит за спортивной жизнью: по газетам, по радио и телевидению. Мама в такие минуты никогда ему не мешает. И Эльвис тоже. Оба понимают, что спорт — важное дело.

В последнее время папа заставляет Эльвиса сидеть у телевизора вместе с ним, когда показывают спортивную программу. Папа думает: вдруг Эльвису полюбится какой-нибудь другой вид спорта? И он подробно объясняет ему всё, что творится на экране. Эльвис слушает и отвечает «да» и «нет», стараясь не попасть впросак. Но до сих пор они ещё не выбрали для него подходящий вид спорта.

— Из этого парня спортсмена не выйдет, — говорит папа. — Да и

выйдет ли из него хоть что-нибудь? Может, он вообще ни на что не годен.

В папиных словах звучит горечь. Тогда, чтобы утешить папу, мама вдруг сама начинает проявлять интерес к спорту, но этим дела не поправишь. Когда показывают хоккей, мама хвалит Седертелье, при том, что весь сезон фаворитом слыл Брюнес!

— Понятно теперь, в кого парень пошёл! — говорит папа. Он, конечно, намекает на маму. Эльвис потому такой глупый и никудышный, что пошёл в маму, а не в папу — вот он на что намекает. А маме, конечно, обидно, она-то хотела утешить папу. Дальше — больше... Да... когда папа занимается спортивным воспитанием сына, дело всегда кончается ссорой.

Правда, теперь папа, кажется, уже сдался. Он больше не возлагает на Эльвиса никаких надежд. Но тут ничего не поделаешь. Спорт — не очень-то приятная штука. А сами спортсмены всегда потные и сердитые, они все только разбегаются в разные стороны и совсем не интересуются друг другом.

А всё равно жалко папу: он же старался изо всех сил. Эльвис знает, как обидно, когда ты стараешься изо всех сил, а у тебя ничего не выходит.

Как-то раз Эльвис посадил в горшок апельсиновое зёрнышко. Он поливал его несколько месяцев подряд и ждал. Но ростка не было.

— Зёрнышко негодное! — сказала мама и выбросила всё в мусорное ведро. — Вот, видишь, и с негодными людьми то же самое.

Да, уж, видно, так оно и есть...

Эльвис опять посмотрел на папу и маму. Наверно, они никогда не проснутся!

Не слышат они, что ли, звуков с улицы? Дети там бегают, играют! Люди проходят мимо дома, весело болтают друг с другом. Хлопают дверцы автомашин. Дети кидают мяч об стенку дома... Нет, видно, родители вчера очень устали...

Все другие люди уже проснулись. Только родители Эльвиса спят. Будильник у них на тумбочке всё тикает, тикает. И если прислушаться... тикают ещё и папины ручные часы. И мамины тоже. Это время тикает и тает... Часы идут...

И вот — наконец-то зевает мама. Эльвис, сжавшись всем телом, прислушивается. Опять тишина. Неужели опять заснёт?

Нет, ещё зевок, за ним — вздох. Хорошо! Значит, мама уже проснулась. Она просто лежит и потягивается.

Эльвис сидит не шевелясь и смотрит на маму. И ни слова не говорит.

Надо, чтобы сегодняшней день хорошо начался для всех.

Мама вдруг садится в постели и смотрит на Эльвиса.

— Ты что, не спишь? — спрашивает она.

Он кивает в ответ. Мама потягивается, снова зевает.

— Ну, чего ты всё глядишь? Жалко тебе, что мы спим? — говорит она.

Но кажется, она не сердится, просто она ещё сонная.

Тут Элвис соскакивает на пол. Воскресный день начался.

Семья сидела за завтраком.

Когда Эльвис встал из-за стола, мама сказала:

— Сейчас мы поедem на дачу, так что смотри — никуда не пропадай.

— А я лучше останусь дома, — осторожно проговорил Эльвис.

Папа поднял глаза от газеты:

— Это ещё что за глупости? Поедешь с нами. Понял?

— Я просто хотел... — начал Эльвис.

— Ты слыхал, что сказал отец? — оборвала его мама. После завтрака, значит, все едут на дачу. Это маленький домик в нескольких километрах от города. Там, за городом, хорошо, и Эльвис обычно охотно туда едет. Но в нынешнем году они редко ездят на дачу — мама не хочет. Там нет удобств, говорит она. К тому же соседи, с которыми она в дружбе, летом собираются в Италию и поэтому очень важничают. Они всё время хвастают, только о поездке и говорят, и мама не хочет с ними встречаться. А папе лучше поработать побольше сверхурочных, чтобы им с мамой тоже можно было куда-нибудь съездить и потом уже не стыдиться соседей.

Так и получилось, что Эльвису в этом году особенно нечем заняться на даче. Он перенёс все свои дела в город. Вообще-то ему всё равно, где бы ни быть, только бы не мешали ему заниматься своим делом. Он из тех, кто заранее размечает свой день, хотя все по мере сил и пытаются ему в этом помешать.

В машине Эльвис обдумывает, что он будет делать на даче. Хорошо бы день не совсем пропал!

В городе всегда нужны цветы. Может, ему собрать немного семян, а потом посадить в каком-нибудь парке, чтобы там выросли цветы? А то ведь чаще всего там одна трава, да и ту ещё надо полоть.

А что, неплохая мысль.

Погода стоит прекрасная. Наверно, весь день будет погожий.

На даче все сели пить кофе в саду. Мама вроде повеселела, но папа по-прежнему угрюм. Трава на участке так вымахала, что папе придётся её косить, а потом подстригать газон. На другой день от этого ноет всё тело. Но папа обещал маме привести в порядок газон — значит, хочешь не хочешь, а делай. Иначе некрасиво будет, ведь соседи давно подстригли свой.

После кофе Эльвис бежит на лужайку.

К лужайке с цветами надо идти рощей. Рощица эта небольшая и очень удачно расположена, как раз между Эльвисом, с одной стороны, и его мамой с папой — с другой. Так вот они друг другу не помешают.

Но сегодня со сбором семян что-то не клеится. То и дело Эльвису попадаются букашки, которых надо выручать. Повезло им, что он сюда пришёл, не то многим бы совсем пропасть. Они неуклюже выползают из цветков и запутываются в паутине, мёд и тот не умеют как следует искать...

Букашки совсем не так ловко разбираются в цветах, как думают люди. И не всегда знают, куда им ползти, а может, просто они глупые. Так или иначе, они рады всякой помощи.

Вот, к примеру, два муравья перебираются на новую квартиру. Как бы они справились с этим, не будь рядом Эльвиса? Муравьи вот-вот надорвутся, такая у них тяжёлая ноша. Да только сами не знают, куда они её тащат.

Кругом много маленьких муравейников, наверное, всё новые поселения. Первым делом, значит, надо узнать, к какому из муравейников держат путь эти двое — Но муравьи только мечутся туда-сюда и ничего не могут решить. В конце концов Эльвис решает за них.

А после надо смотреть, чтобы муравьи не ползли так быстро, не то они выбьются из сил. Один муравей и без того всё отстаёт...

Вдруг, откуда ни возьмись, появилась куча других муравьев, и они стали отнимать ношу у тех двоих. Завязалась драка. Как теперь узнаешь, где законный хозяин ноши? Тут нужно большое терпение, но у Эльвиса оно есть.

За работой он не заметил, как пробежало время. Мама уже несколько раз звала его. Но ничего, подождут. Сейчас их черёд ждать. Хотя, конечно, они могут и разозлиться. Они не любят ждать. Сам Эльвис тоже не любит. Но он привык. Взять, к примеру, любое воскресное утро или когда мама болтает по телефону. Или ещё когда смотрят эти скучные телевизионные передачи. И Эльвис всегда терпеливо ждёт. А теперь пусть папа с мамой потерпят. Это только справедливо будет.

Солнце припекает, букашки весело жужжат.

Вдруг Эльвис чувствует, что он уже не один.

Рядом кто-то есть. Кто-то смотрит на него, он это чувствует.

Хотя ничего не слышно. И не видно никого.

Всё равно. Он знает, что рядом кто-то есть. Кто же это?

Всё внутри Эльвиса натянуто, как струна, но ему не страшно. Просто он настороже. Он медленно поворачивает голову то вправо, то влево.

Никого...

Никого.

Однако он всё время чувствует на себе чей-то взгляд.

Чуть погода из-за куста высовывается голова. И Эльвис видит зелёные глаза зверька. Эльвис и зверёк глядят друг на друга, не отводя взгляда, не мигая.

Сердце Эльвиса громко стучит. Это ведь не чужие глаза. Он их узнал. Он очень даже хорошо знает их. Он видел их, когда они ещё даже по-настоящему не раскрывались, — эти крохотные щели, за которыми прятался сон, и после он видел их, когда они стали похожи на ягоду-голубику. А потом они сделались серые — он и это помнит, а под конец — зелёные. И он очень гордился тем, что они зелёные, а не жёлтые, как у большинства взрослых кошек. Мордочка, на которой горят зелёные глаза, — вся белая, только над левым глазом — красивое бурое пятно. Ушки тоже бурые, острые. А лапки — тёмные, особенно внизу. Но всё тельце кошки белое как снег. Большой пушистый хвост стоит торчком и сверкает на солнце. Хвост тоже весь коричневый.

Красивая кошка. Она вскакивает на кочку и в упор смотрит на Эльвиса.

Эльвис еле слышно шепчет:

— Сиппан... Сиппан...

Кошка эта когда-то была его. Но с тех пор прошло два года. Ему подарили её совсем маленькой — весной это было, — она даже на лапках ещё не держалась. И он с первых дней растил её и не спускал с неё глаз. Это и вправду был его котёнок.

Ему не позволили дать имя котёнку. Имя ему дала мама, но это неважно. Котятам всё равно, как их ни зови.



И Сиппан принадлежала ему одному. Мама хотела было взять её себе, как она потом сделала с пёсиком Сессан, но ничего у неё не вышло. Сиппан не далась. Она такая же, как Эльвис: любит сама быть себе хозяйкой. И всё же она считала себя котёнком Эльвиса, вот что чудно. А маминым котёнком она не хотела быть. И сколько мама её ни ласкала, Сиппан всё равно к ней не шла.

Эльвису Сиппан была ближе всех на свете. Никого он ещё так не любил, как её.

И вот он в первый раз видит её этим летом. И она жива! Она такая же, как раньше, и на вид вроде гладкая.

Но как она провела зиму? И ту, прошлую зиму? Без людей, без помощи?

Вот он тут гуляет, помогает букашкам заползать в цветки, муравьям — перетаскивать грузы. А кто поможет Сиппан?

Самый большой, самый постыдный грех, которому нет прощения, — это бросить друга. Два года назад, в конце лета, Сиппан бросили на даче одну.

Им некогда её искать, говорили тогда папа с мамой. Они захватят её с собой в следующий раз, когда поедут на дачу, говорили они. Но для себя

они уже решили бросить Сиппан здесь навсегда. Он знает это. И знает — почему.

Годом раньше ему подарили Сессан на рождество. Он никак этого не ожидал. Он вовсе не просил собаку. У него же была Сиппан. Хотя, понятно, он обрадовался щенку, да и Сиппан веселее стало.

Но мама и папа убедили себя, что собака с кошкой не уживутся. Они и сейчас в этом убеждены. Но это не так. Сиппан и Сессан отлично ладили между собой: они уважали друг друга.

Да, но когда они подрастут, тогда уж наверняка начнут ссориться, твердили мама и папа. Но что они в этом смыслили?

— Вот увидишь, — говорили родители, — придёт день, и они сцепятся!

Родители были в этом убеждены и вели себя с Сиппан и Сессан так, словно те не выносили друг друга. Эльвис заметил это и сказал, что так нельзя.

— Это кошка с собакой, и они будут жить как кошка с собакой, — со смехом отвечали родители.

И сегодня ещё они думают, что есть животные, которые не могут ужиться друг с другом, что они враги от рождения.

А ведь это просто ерунда. Дедушка тоже так говорит. Он на стороне Эльвиса. Все, кому нет нужды поедать друг друга, чтобы выжить, говорит он, прекрасно могут ужиться. И даже дружить. Но если им внушать, что они должны жить как кошка с собакой, то они и станут жить как кошка с собакой.

Под конец Сиппан и Сессан стали и в самом деле жить как кошка с собакой. Только Эльвису невдомёк, как это могло выйти. При нём они никогда себя так не вели.

В тот первый раз, когда они сцепились, его не было дома. Когда он вернулся, сражение уже было в разгаре: на пол летели вазы, цветочные горшки. Но Эльвис успокоил животных, и они снова стали вместе играть.

Правда, после этого мама говорила, что всякий раз, когда Эльвис уходит, они тотчас кидаются друг на друга. Если так, значит, виновата мама, сказал Эльвис, и тут-то всё и заварилось. С тех пор Сиппан и Сессан всё время дрались.

День ото дня становилось всё хуже и хуже. Родители говорили, что виновата Сиппан. Сессан куда добрее. Да и к тому же Сессан — собака, за неё уплачены деньги. У Сессан, значит, цена есть, а у Сиппан никакой цены нет. За неё никто не заплатил ни одного эре. Если их послушать, то она никакой ценности не представляет.

Эльвис спросил, сколько же заплатили за него, Эльвиса, но этого он так и не узнал; ему только сказали, чтобы он не смел грубить.

Пришла весна, а когда настало лето, кошку с собакой стали брать на дачу по воскресеньям. Вечером, перед отъездом в город, несколько раз случилось, что Сиппан куда-то пропадала в тот самый миг, когда все садились в машину. Приходилось её искать, папу с мамой всё это очень раздражало, но никто даже не заговаривал о том, чтобы уехать без Сиппан.

В конце лета папа взял отпуск, и семья провела на даче несколько недель. Всё это время с животными не было никаких хлопот. Кошка с собакой по большей части бегали за Эльвисом и в дом почти не заглядывали.

Но мама всё сильнее привязывалась к Сессан, видно было, что собаку она любит больше. Теперь она гладила и ласкала только её. На Сиппан она даже не смотрела. Правда, Сиппан от этого не страдала, она не любительница таких нежностей. Ей не нравится, когда с ней сюсюкают, как с каким-нибудь грудняшкой. Эта киска с характером.

И она умеет за себя постоять. А не то она бы не выжила, когда её бросили одну. Сессан — куда мягче, податливей.

Когда кончился папин отпуск, настало время возвращаться в город. Но в самую последнюю минуту, когда только оставалось прыгнуть в машину, Сиппан пропала. И на этот раз папа с мамой не захотели её дожидаться. На этот раз они ужасно торопились. Нельзя было ждать ни секунды.

Эльвис, понятно, не хотел ехать. Когда папа включил мотор, он выскочил из машины и побежал в лес. Но папа догнал его.

Тут такое началось... Эльвис кусался и отбивался. Никогда он не думал, что они вправду бросят Сиппан, он только сейчас это понял и не хотел с этим мириться. Он отбивался как мог, но папа скрутил его. И его втащили в машину. Напоследок он снова пытался вырваться. Всё было напрасно. Машина дёрнулась и покатила. Они уехали.

Родители обещали в первое же воскресенье съездить на дачу и забрать Сиппан. Но не поехали. Потом они обещали съездить в следующее воскресенье, потом опять в следующее... Каждый раз находились причины. То погода скверная, то кому-нибудь нездоровится.

Под конец Эльвис решил съездить на дачу сам. Он пробовал голосовать, но добраться до дачи не удалось. Наверно, те люди не поняли его и потому завезли в другое место. Потом они доставили его домой, хорошие такие попались дяденьки, только вот дачу не знали, как отыскать.

Он и дедушку о том же просил. Дедушка несколько раз ездил туда и всюду искал Сиппан, но не нашёл. Наверное, она спряталась. Она всегда

остерегалась чужих, а дедушку она совсем не знала. А не то он бы, конечно, её привёз.

Папа с мамой говорили, что Сиппан не будет терпеть нужды, кошки хорошо умеют охотиться, а в лесу много мышей. Сиппан не пропадёт, говорили они. Но Эльвис спрашивал об этом у людей. Домашней кошке трудно придётся, отвечали ему, она ведь не привыкла жить на воле, редко какая кошка переживёт первую зиму. Просто чудо, что Сиппан выжила. Она уже две зимы продержалась.

Прошлым летом он много раз видал её. Она часто появляется около дачи. Но никогда не подходит к порогу. И стоит ей заметить кого-нибудь, как она сразу же — молнией — метнётся прочь. Только от Эльвиса она не бежит. Они застывают на месте и глядят друг на друга, вот как сейчас. Долго-долго. Но близко друг к другу не подойдут и ничего не скажут.

Сиппан, которая, бывало, и мяукала и урчала, стала немой кошкой. Другое дело — Эльвис, он всегда был тихий, поэтому неудивительно, что он молчит.

Но слов и не нужно. Сиппан и Эльвис знают: вопреки всему, что случилось, они друзья. Хотя трудно сказать, откуда они это знают.

В первый раз, когда Эльвис встретил Сиппан, после того как её бросили, ему было нестерпимо стыдно. Ему казалось, что она смотрит на него с укором и словно бы говорит: «Как ты мог так поступить?» Но после он понял, что ему только так казалось. В глазах Сиппан не было ни упрёка, ни вопроса. Просто взгляд у неё стал какой-то жёсткий. Сиппан понимает, что он не виноват, что он ничего не мог сделать. Потому что он ничего не решает. Всё решают мама и папа.

Может, Сиппан даже понимает, как он тогда горевал. И что он до сих пор горюет о ней. Теперь он уже спокойно смотрит ей в глаза. Внутри ещё очень больно, но уже не так стыдно.

— Какая-то тут бегают старая кошка, — говорит мама.

— Да, откуда взялась эта старая кошка? — откликается папа.

Неужели они не узнают Сиппан?

Но у Эльвиса на этот счёт своё мнение. Как-то раз к ним на дачу зашёл лесник. Он спросил, не видели ли они здесь одичавшей кошки? Белой кошки с бурым хвостом?

Мама с папой так странно переглянулись. У них был почти испуганный вид. И они не знали, что ответить. Но Эльвис понял, что означает вопрос лесника. Тот застрелит Сиппан, если узнает, что у неё нет хозяев. Эльвис сказал: нет здесь никакой кошки. И мама с папой смолчали.

Когда лесник спросил их: «А вы тоже не видели кошки?», они только головой покачали. Вот почему Эльвис думает, что они притворяются, будто не узнают Сиппан. Просто им неприятно о ней вспоминать. Они хотят забыть то, что сделали с ней.

Иногда мама выставляет «для той старой кошки» миску молока. Но Эльвис выливает молоко в траву. Какой прок от этой капли молока? Да ещё летом! При том, что зимой кошка брошена на произвол судьбы. Зимой, когда она может погибнуть!

Кстати, Сиппан и не трогает молока. Она умная кошка. Эльвис гордится ею.

Сначала он думал тайком увезти её в город. Но после он понял, что там ей будет ещё хуже: в городе большое движение, много людей и машин. И где бы он стал её держать? Дома ведь нельзя.

Нет. Он ничего не может сделать для Сиппан. Он это понимает. Он бессилен. Нет никакой надежды её вернуть.

Тут мама опять окликнула Эльвиса из-за рожи. Сиппан сразу исчезла, словно её сдуло ветром.

А Эльвис пошёл домой. Папа уже сигналил автомобильным гудком.
Кончилось воскресенье.

Утром мама первым делом включает приёмник. И потом уже приёмник работает весь день, и в доме ни на минуту не стихает шум. То болтовня, то музыка.

Затем начинает подавать признаки жизни телевизор. Он стоит в столовой, а приёмник — на кухне. Посередине, в прихожей, находится телефон. Здесь мама обычно стоит и разговаривает с подругами, слева кричит радио, справа надрывается телевизор. Мама любит, чтобы со всех сторон неслись разные звуки. А вот Эльвис — нет. Он любит, когда тихо.

У мамы очень много подруг. Телефонные подруги, соседские подруги и подоконные подруги. Подоконные — это те, что болтают с мамой, стоя под окном. У большинства из них есть собаки, поэтому Эльвис иногда называет их ещё собачьими подругами.

У разных подруг — разные места для разговоров.

Соседские подруги пьют кофе на кухне. Говорят они обычно о других соседях и ещё о том, где выгоднее делать покупки.

Собачьи подруги — самые безобидные из всех — обычно стоят под окном со своими собаками. Говорят они только о собаках и ещё иногда о погоде.

Хуже всех телефонные подруги. Эти всё на свете знают; знают и то, как надо воспитывать Эльвиса.

У мамы так много огорчений. Должна же она кому-то «изливать душу».

Эльвис понимает. Это ведь из-за него у мамы столько огорчений.

Совсем не такого сына она ждала.

В столовой над радиолой висит портрет человека с густыми волнистыми чёрными волосами. Человек этот поёт. У мамы много пластинок с его песнями, и она часто их ставит. Слов в его песнях не разберёшь, потому что он поёт по-английски, зато он берёт очень высокие ноты. Иногда мама под эти песни танцует. Это когда ей весело и она вспоминает, как жила раньше, до замужества. Тогда этот певец был её кумиром. Это значит, что она им восхищалась.

Маминого кумира звали Эльвис. Вот почему сыну дали такое имя: чтобы он вырос похожим на настоящего Эльвиса, того самого, что на портрете. Только ничего из этого не вышло. Волосы у него русые, да ещё торчат во все стороны. Говорит он с хрипотцой, а петь и вовсе никогда не

поёт. Вот почему мама так огорчается.

И ещё, наверно, потому, что он не девочка. Девочек гораздо интереснее наряжать, и шить можно для них всякие наряды, а кому охота обшивать мальчишку? К тому же мама сказала, что больше не хочет детей. Значит, у неё уже не будет девочки, и всё из-за того, что она родила Эльвиса. А ведь девочки послушней мальчишкой их легче воспитывать. Это все телефонные подружки говорят.

У многих людей светлые телефоны. А вот у них чёрный. Наверно, телефон оттого почернел, что мама поверяет ему уйму разных огорчений. Это самый настоящий горе-телефон.

Что правда, то правда. Эльвис — непослушный мальчик. Невыносимый и вообще никудышный. Для него самого это тоже большое горе, что он такой, хотя никому и в голову это не приходит.

Никто не понимает, почему он непослушный. А он только потому такой, что ему велят не то, что надо. Даже мама, бывает, велит не то, что бы там ни говорили телефонные подружки.

Вот, к примеру, как-то раз бабушка дала Эльвису денег на шоколадку. А он вместо этого купил затычки для ушей. Мама разозлилась не на шутку. Такой наглости они в жизни своей не видали, сказали телефонные подружки. Все решили, что Эльвис сделал это из озорства.

А ведь ему просто очень нужны были затычки. Дома всегда такой шум. Ни о чём даже спокойно не поразмыслишь. Дома это просто невозможно. Слово вставить — и то нелегко. Но это пускай. Да только не может же человек не думать.

Не будь ему так нужны затычки, он купил бы себе семян. Разве это не ясно? И затычки ему не оставили. Мама сразу же отобрала их у него.

— Ты и так никогда не слышишь, что тебе говорят, — сказала мама. — Зачем тебе затычки, ты и без того туг на ухо.

Один выход: бежать на улицу, когда хочешь покоя.

Эльвис привык к улице и полюбил её. Идёшь себе между домов, и никто к тебе не пристаёт с вопросами и всякими замечаниями. Иногда все окна чёрные, а иногда в них горит солнце. Улицы меняются от дня ко дню, от часа к часу. Вода в канавах была одна, потом стала другая, и ветер, который гнёт деревья, тоже другой. Даже самое крохотное пятнышко и то меняется. Если обходить знакомые места каждый день, заметишь это. Даже запах там и то другой.

Чего только не придумает, когда так вот бредёшь по улицам! Идёшь себе и идёшь, будто вот сейчас встретишь сказку. Кто знает, может, уже на углу тебя поджидает сказка...

Или, может, вон под тем деревом на другой стороне?...

Только ступишь на новую улицу, и тебе покажется, будто вдали тротуары бегут друг другу навстречу и под конец сходятся, и там, в конце улицы, всегда светло. Вот там, наверно, и ждёт тебя приключение. Там, может, начнётся настоящая жизнь.

Может, ещё не сегодня начнётся, а в другой раз. Не угадаешь когда. Но ничего, Эльвис потерпит. Он ведь терпеливый.

Все терпеливые, у кого есть свои мысли. А у Эльвиса к тому же есть своя Тайна. Как он открыл её, когда — он не помнит. Просто в один прекрасный день ему открылась Тайна. Он плохо вёл себя, и его отшлёпали, потом он опять плохо себя вёл, и его опять отшлёпали. И тогда он дал сдачи. И хотя была середина дня, его отослали спать. Спустили шторы. Заперли дверь. Чтобы в тот день он больше уже не мог встать. Он тогда был ещё совсем маленький, хотя всё-таки не совсем.

Эльвис сидел в постели. Он не плакал, но ему было очень грустно. Будто всё пусто внутри. И нечем заняться.

На улице мяукала какая-то кошка. Не Сиппан, другая. Сиппан у него тогда ещё не было.

Кошка очень громко мяукала, и пока она мяукала, прошла целая вечность, и он даже не помнит, что делал всё это время.

Потом кто-то запел под окном. Кажется, это было в тот же день, хотя тогда шёл дождь и песня звенела сквозь дождь.

И тут Эльвис открыл Тайну. Не иначе как она влетела в комнату. А может, она всегда сидела у него внутри, просто раньше он её не замечал. Тайна сидела там, где раньше была пустота. Эльвису сразу стало весело. И с тех пор Тайна всегда с ним. Он с ней не расстанется.

Правда, он ещё не знает, в чём она. Это он ещё должен узнать. Придёт время — он узнает, спешить некуда. Так даже интересней. Он не знает, в чём Тайна. И всё же носит её в себе. Она всегда при нём.

Бывает, он подступится к ней совсем близко, ещё немного — и он ухватит её. Но Тайна — шмыг! — и нет её, опять спряталась где-то глубоко внутри. Она точно ночной огонёк. Светит ярко, но поди узнай, близко тот огонёк или далеко.

Как-то раз он попытался изобразить Тайну. А это трудно. Он же только чувствует её, но не видит.

И он не мог её нарисовать.

Тогда он взял чёрный камень и раскрасил его в разные цвета. Больше всего он намалевал красного и жёлтого, и понемногу всех остальных цветов. Потом он смастерил шкатулку и раскрасил в зелёный цвет, она

оказалась как раз такого размера, как надо. Эльвис вложил камень в шкатулку и закрыл крышку. И тогда он подумал, что это похоже на его Тайну. Хотя, конечно, только похоже; Тайну его никто не сможет изобразить.

Но лучше поскорей спрятать шкатулку. Никто не должен её увидеть.

Вокруг кладбища есть еловая изгородь.

Под этой изгородью Эльвис и зарыл шкатулку.

Хитро он всё придумал. Никто ведь не обращает внимания, когда копают на кладбище. Захочется Эльвису взглянуть на шкатулку — он идёт... выкапывает её. Правда, потом он никогда не кладёт её на то же место. Всякий раз он немного перемещает тайник на каких-нибудь два-три шага. Скоро шкатулка обойдёт всё кладбище. От этой мысли вся затея кажется ещё интересней.

Хотя его Тайна — из тех, которыми надо делиться. Это великая Тайна, и она должна обойти весь мир. И пусть все узнают её. Но как это сделать? Когда сам толком не знаешь, в чём она. Ещё одно небольшое усилие, и Эльвиса осенило. Разгадка оказалась такой простой! Как только он раньше не сообразил?

Семена! Вот одна из тайн, которыми полна природа. Бывает, семена продают в магазине. Но мало кто заботится о том, чтобы семена попадали в землю и давали всходы. Люди не понимают, что такое семя. Может, для этого надо, чтобы человек открыл Тайну?

Берёшь семена и сеешь их всюду, где живут люди, которых ты уважаешь. И будто делишься с ними своей Тайной и радостью. На свете много людей, которых Эльвис уважает, пусть не со всеми из них он знаком. Но это и не обязательно.



Например, человек, который взмахом флажка отправляет поезда. Человек из железнодорожной конторы. Человек из городской экспедиции. Продавец горячих сосисок и ещё многие другие.

Вот почему Эльвис посеял так много семян вокруг станции, около здания экспедиции и у будки с горячими сосисками. И ещё в разных других местах города. Но никто из тех, для кого он посадил цветы, не должен об этом узнать. А не то не будет Тайны.

Эльвис следил за тем, чтобы все семена дали всходы. Но иногда семена не прорастали. Тогда Эльвис выкапывал в парках готовые цветы и пересаживал их поближе к дому своих друзей. Хотя это было небезопасно: трогать цветы в парках не разрешается. Ещё, чего доброго, поймают полиция. Тут нужна осторожность.

Как-то раз Эльвис чуть не попался. Но он спокойно объяснил всё полицейскому. Садовники в парках ленятся пропалывать клумбы, и цветы растут слишком густо. К тому же Эльвис брал только те цветы, которые так или иначе стоило пересадить.

Полицейский оказался славным малым. Его очень заинтересовала прополка клумб, и он согласился с Эльвисом. Он только попросил его быть поосторожней. Некоторые полицейские, сказал он, ещё недостаточно разбираются в этом деле.

Эльвис понял его. И теперь он наведывался в парк только в тех случаях, когда без этого уже никак нельзя было обойтись, да и тогда он держал ухо востро.

Как на беду, знакомый полицейский жил в доме, вокруг которого всё

было залито асфальтом.

Эльвису пришлось посадить для него цветы в горшочек, который он поставил перед дверью его квартиры. Эльвис обошёл все городские парки и выбрал самую прекрасную розу. Сказать по-честному, не было никакой надобности её пересаживать, тут единственный раз в жизни Эльвис поступил наперекор своим правилам, но полицейский это заслужил. Эльвис был неспокоен за розу, но она ничего, принялась. А потом он заметил её уже в окне дома, розу было видно издалека.

Дедушка подарил Эльвису зелёную лейку. Дедушка живёт в деревне, а в семенах и цветах разбирается, может, только чуточку хуже Эльвиса. При каждой встрече они делятся опытом. Они ведь друзья.

Мама говорит, что дедушка любит «заложить за галстук». Всякий раз, приезжая в город, он привозит с собой четвертинку. Но Эльвис считает: пусть дедушка поступает как хочет. Бывает, мама прячет четвертинку от дедушки, Тогда Эльвис смотрит, куда она её прячет, а после отыскивает четвертинку и отдаёт деду. И зачем мама обращается с дедушкой, как с Эльвисом? Зря только мама боится за него. Он жил на свете, когда её самой ещё не было. Он сам умеет думать и решать за себя.

Зелёную лейку Эльвис держит в железнодорожной конторе. Там он берёт её, наполняет водой, а потом уже обходит свои посадки и поливает их. Случается, нет дождя, тогда Эльвис носится по всему городу и поливает свои цветы.



Он знает наперечёт все колонки. Во многих садах даже ещё сохранились старые. Хуже всего в самых новых кварталах, сплошь залитых асфальтом. Чтобы раздобыть воду, там приходится делать огромные концы. Но он не сдаётся. Каждый цветок вовремя получает воду.

Хорошо, что на свете так много разных цветов и каждый может выбрать себе цветок по вкусу. Люди ведь такие разные. Не всегда легко подобрать для человека цветок. Иногда долго приходится думать.

Больше всего Эльвис гордится подсолнухом — тем, что он посадил в

саду у Юлии. Посадил весной, под самым её окном. Хотели ведь снести тот дом, а Юлия очень горевала. Петер тоже горевал, но они ничего не могли поделать.

Эльвис решил им помочь. С Юлией он был немножко знаком, а вот с Петером — нет, хотя он очень уважал их обоих.

Петер — это «ночной папа» Юлии. Он приходит к ним домой вечером, когда мама Юлии спешит на работу — она ведь работает в больнице, — и остаётся на всю ночь. Утром мама возвращается из больницы, а Петер уходит по своим делам, так что они никогда даже не видятся. Они ведь вовсе не муж и жена.

Так жалко было, когда хотели снести дом Юлии. Эльвис очень хотел ей помочь. А что, если посадить у дома самый большой в мире подсолнух? Может, тогда никто не решится снести дом...

И Эльвис закопал семя подсолнуха в землю, под окном Юлии. Цветок стал расти. Он рос и рос. В тот день, когда прибыл экскаватор, цветок уже был большой.

Экскаваторщик не стал ломать дом. Он и поныне цел.

День рождения у Элвиса будет не скоро — и хорошо. День рождения — всё равно что сочельник. Это «день неблагодарности».

Задолго до сочельника мама говорит:

— Смотри веди себя хорошо, слушайся меня и делай всё, как я скажу. А не то к тебе не придёт Дед-Мороз. Вот позвоню ему по телефону и скажу, что ты злой мальчик, чтобы он не приносил тебе подарков.

Мама повторяет ему это почти каждый день до самого сочельника. Но всякий раз она спрашивает, какие подарки он хочет на рождество. Что же он должен ответить?

Во-первых, он знает, что маме незачем звонить насчёт игрушек Деду-Морозу. Достаточно сказать об этом папе.

Во-вторых, ему неохота говорить, о чём он мечтает. Нельзя это говорить — слишком важные у него мечты, а самое важное человек всегда добывает себе сам. Никто другой за него это не сделает. Да и лучше хорошо обдумать, что тебе хочется, а на это нужно время. Элвис не хочет спешить, он осмотрительный человек. Но мама торопит: что тебе подарить? Элвис не понимает, зачем она его торопит, — сказала же она, что он ничего не получит.

Наверно, это просто такая игра, которой забавляется мама, всё равно ведь на рождество ему дарят столько же, сколько всегда. В сочельник вечером мама обычно пересчитывает подарки, чтобы потом рассказать телефонным подругам, сколько Элвису всего надарили.

Детям этих подруг не дарят столько подарков, рассказывает потом мама, Элвису всегда дарят больше всех.

А Элвис всё равно неблагодарный, он даже как следует не скажет спасибо, говорит мама.

Хотя почему же «неблагодарный»? Элвис благодарит, он сразу говорит «спасибо», когда ему велят. Но подарков так много, что он не в силах сразу разглядеть все и не знает, что ему с этим делать. И вообще, подарки — это одно, а хочется ему часто совсем другого.

То же и в день рождения.

За несколько недель до этого мама спрашивает:

— Что тебе подарить в день рождения?

Потом мама заявляет: будешь себя плохо вести — ничего не получишь. Но тут же она говорит: бабушке и всем родным надо знать, какие он хочет

подарки. А после опять заявляет, что он не заслужил ничего. Вот, честное слово, мама сейчас позвонит бабушке и всем родным и скажет, чтобы Эльвису ничего не дарили.

Хотя потом, когда настаёт день рождения, все приходят как ни в чём не бывало, дом полон гостей, у мамы уже испечён торт, все пьют кофе и от всех Эльвис получает подарки. И он говорит «спасибо» всякий раз, когда ему велят, много раз подряд. Но потом всё равно мама говорит, что он «плохо благодарил». Это всё оттого, что он такой неблагодарный мальчик, который даже не умеет как следует благодарить.

Вот почему каждый сочельник и каждый день рождения превращаются в дни чёрной неблагодарности. По мне, хоть бы их вовсе не было, думает Эльвис.

Все другие дети в такие дни особенно хорошо себя ведут. Они радуются и благодарят за подарки, говорит мама. Выходит, в эти дни ещё больше заметно, что Эльвис не такой, как все дети.

Только дедушка с бабушкой не приезжают к Эльвису в день рождения.

Дедушка всё понимает. Эльвис сказал ему правду. И дедушка с ним согласен. Эльвису не нравится, что есть какие-то дни, о которых знаешь задолго, и знаешь, что получишь кучу подарков и дом будет полон гостей, которые толкнутся, пьют кофе и болтают, перебивая друг друга, — дедушка тоже говорит: ну какой это праздник.

И дедушка сказал Эльвису: лучше сам позови меня, когда захочешь.

— Ты только сразу дай сигнал, — сказал дедушка, — и я приеду. Как только скажешь, я буду у тебя в тот же день.

Эльвис пока ещё не звал дедушку в гости. Он хочет оставить это про запас. Чтобы было о чём помечтать.

Зато бабушка поздравляет Эльвиса каждый год. Но только не в его день рождения. А в день рождения Юхана.

Юхан — младший папин брат, который так и не стал большим, потому что умер. Поначалу Эльвис не понимал, что Юхан умер, никто ведь ему этого не говорил. Взрослые боятся ему это сказать. Ведь с рождения его одевают в одежду Юхана, и взрослые, наверно, боятся, что он не захочет её носить, если узнает правду.

Поэтому они говорят, что Юхан уехал. Уехал далеко-далеко и никогда не вернётся, говорят они.

Раньше Эльвис много размышлял над тем, почему же Юхан решил так вот навсегда уехать из дома.

Может, он тоже был послан родителям в наказание?

Может, бабушке не удалось сделать его — Юхана — похожим на

своего кумира?

Или, может, Юхан тоже никак не мог выучиться играть в футбол?

Если всё это так, то Юхан правильно поступил, что сбежал, думал Эльвис. Хотя сам он так бы не сделал. Он хочет остаться здесь. Потому что здесь он живёт с самого рождения и кругом столько интересного. И всюду его ждут интересные игры и разные дела.

И Тайна тоже здесь.

Нет, Эльвис не сбежит. Может, у Юхана всё было не так. Может, у него было не так много интересных дел. Так раньше думал Эльвис, пока не понял правду. Что Юхан никуда вовсе и не уезжал. Юхан умер.

Правда открылась Эльвису как-то вдруг.

Взрослые говорили, что Юхан был хилый потому, что всю жизнь болел. Вот почему его вещи такие хорошие — совсем как новые. Он был слишком слаб, чтобы истрепать одежду, говорили они.

И тут Эльвис вдруг понял, в какое путешествие отправился Юхан. В то самое, в какое отправляются все покойники. Мама никогда не говорит, что кто-то умер. Она всегда говорит, что человек «ушёл» или «покинул нас». И бабушка тоже.

Они боятся сказать правду. А он и виду не показывает, что всё понял, он тоже боится. Кто знает, как они на это посмотрят. Вроде бы он понял такое, чего детям понимать не следует. Такие печальные вещи ребёнку знать нельзя.

Мама и папа всегда боятся печальных вещей, он это заметил. И они думают, что он тоже боится. Но он-то боится только потому, что они боятся.



Поэтому никто не говорит правду. При Эльвисе все делают вид, будто Юхан жив. И сам он тоже делает вид.

А бабушка по-прежнему празднует день рождения Юхана.

В этот день она приезжает в город и поздравляет Эльвиса.

В комнате, где жил Юхан, стоит ящик с игрушками. Когда Эльвис навещает бабушку с дедушкой, бабушка отводит его в комнату Юхана и приподнимает крышку на ящике с игрушками. Эльвису разрешают разглядывать игрушки, но не разрешают их трогать.

Надо подождать, когда настанет день рождения Юхана, говорит бабушка. Тогда он получит эти игрушки.

Бабушка сдержала слово. Сначала Эльвис получил в подарок медвежонка. Это был старый, потрёпанный медвежонок с большими глазами; Юхану подарили его, когда ему исполнилось два года. У этого медвежонка нет имени. Юхан так и не дал ему имени, уверяет бабушка, он

называл его просто «мишкой».

Эльвис не хотел её обижать и не сказал ей, что он думает на этот счёт. Ясно, что Юхан дал ему имя, хотя он никому его не открыл. Эльвис понимает это. Он и сам поступает точно так же. К примеру, зачем маме знать, как зовут его обезьянку? Он сказал, будто её зовут Пелле, просто так, чтобы что-нибудь сказать, но, конечно, зовут её совсем по-другому. Настоящее её имя он держит в секрете — это тайное имя, и знает его один Эльвис. И когда мама говорит по телефону «эта грязная старая обезьянка Пелле», то Эльвису, по правде говоря, становится смешно. У его обезьянки ведь совсем другое имя, просто мама его не знает.

Много лет прошло с тех пор, как Эльвис впервые заглянул в ящик с игрушками в доме у бабушки с дедушкой.

Скоро уже все игрушки Юхана перекочают к нему. У Юхана их ведь было не так уж много.

— Эльвис должен быть благодарен, — говорит мама.

И Эльвис вправду благодарен бабушке за вещи Юхана, но бабушка не хочет благодарности.

— Ты не меня благодари! Благодарю Юхана! — всегда говорит она.

Мама считает, что это глупо, но Эльвис делает, как просит бабушка. Когда никого нет рядом, он благодарит Юхана.

Особенно доволен он двумя вещичками. Никто не знает, что они достались ему от Юхана. Никто ему их не дарил.

Он сам в разное время нашёл их в карманах курточек Юхана.

Это кусочек мозаики и ключик.

Ключик от неведомого замочка и кусочек загадочной мозаики. Вот такие вещи Эльвис хотел бы получать в подарок. Вещи, над которыми ещё нужно поработать, подумать. И которые — часть чего-то другого, большого, таинственного. Чего никогда не узнаешь до конца. Не сразу и поймёшь, чего тебе хочется. А уж если раздобудешь — то это просто чудо.

Ключик был в летней куртке Юхана. Маленький, блестящий, ярко сверкающий на солнце.

Кусочек мозаики Эльвис нашёл в зимнем пиджаке Юхана. Очертаниями он напоминал скачущего зайца. Заяц был синий с белым. И у него был всего один глаз. Но не там, где всегда, а на спине. Большой тёмный глаз. Странно глядеть в глаз, неведомо чей. Ясно ведь, что это не заячий глаз: он просто оказался не на месте...

Эльвис спрятал сокровища Юхана. Он рад был бы всегда держать их при себе, но это слишком опасно. Мама часто осматривает и чистит его одежду, потом опять осматривает и опять чистит, ничто от неё не укроется.

Ещё он должен прятать эти сокровища потому, что так хотел Юхан. Ключик ведь лежал под подкладкой в кармане, и кусочек мозаики тоже, правда, во внутреннем кармане пиджачка. Вот почему бабушка их не нашла. Значит, наверно, сам Юхан спрятал их. Само собой, Эльвис обязан сберечь его тайну.

Эльвис взял сокровища с собой на дачу и там спрятал. В глубине сарая, под большим штабелем дров. В самом низу под дровами лежит бревно, которое можно вытащить так, чтобы при этом не обрушились все остальные. Один Эльвис знает, какое это бревно. И под ним лежат кусочек мозаики и ключик.

Вместе с другими Эльвис спасал дом Юлии от сноса. Был праздник, ребята выдували пузыри из мыльной пены, играла музыка, и было много людей. Было весело.

Но потом Юлия уехала, дом опустел и сад заглох.

И сразу стало совсем невесело. Эльвису жаль дома Юлии. Ребята ведь хотели, чтобы он остался и чтобы все потом могли сюда приходить и играть вместе. Не для того же его спасли, чтобы он стоял такой заброшенный и унылый.

Иногда Эльвис встречал художника Ниссе — того самого, что написал тогда с дома картину. Чтобы все видели, какой это красивый дом и поняли, что его нельзя сносить. Эльвис и Ниссе друзья. Они подружились, когда Эльвис показал Ниссе подсолнух. Он ведь как раз тогда и посадил подсолнух под окном Юлии, чтобы дом стал ещё красивее и его не сносили. Это он замечательно придумал. Ниссе спросил, можно ли ему нарисовать на своей картине подсолнух. Эльвис не возражал, и Ниссе нарисовал подсолнух ростом чуть ли не до самого окна Юлии. Он нарисовал его таким, каким он будет потом, когда расцветёт и раскроется огромный жёлтый цветок.

Очень красивая вышла картина.

Таким большим, как на картине, подсолнух и сейчас ещё не вырос. Но он хорошо тянется ввысь, и Эльвис чуть ли не каждый день приходит к дому Юлии и смотрит за подсолнухом.

Ниссе всякий раз при встрече спрашивает о цветке. А Эльвис спрашивает о Юлии и Петере: не знает ли Ниссе, где они. Эльвис больше не видел их после того праздника. Но и Ниссе тоже их не видел. Наверно, они уехали отдыхать, сказал он. У Юлии ведь теперь каникулы. Может, они не вернутся до нового учебного года. Ниссе тоже жаль, что дом стоит пустой. Не того он ожидал. Он не меньше Эльвиса разочарован.

Но вот как-то раз пришёл Эльвис в сад, а там люди. Сперва он даже обрадовался. Наконец-то примутся за дом, подумал он. Но скоро он понял, что ошибся.

Его теперь даже не пускают в тот сад. Когда он приходит туда со своей лейкой, его сразу прогоняют. Соплякам тут делать нечего, кричат ему вслед. Теперь вокруг дома часто толпятся какие-то парни. И Эльвису нелегко ухаживать за подсолнухом. В сад теперь не заберёшься — надо ждать,

когда все уйдут. Но нельзя же бросить подсолнух. Эльвис беспокоится за него.

Нехорошие парни повадились сюда. Они всё только ломают, портят и орут. За домом не смотрят. Наоборот, они бьют камнями стёкла, ломают дверные замки. Носятся по всему дому и всё подряд ломают и бьют, а мусор выбрасывают через окна. Двери распахивают пинком, и теперь входная дверь больше не запирается, а всё только хлопает на ветру.

На сад теперь страшно глядеть. Это не сад, а автомобильный погост. Парни свозят сюда старые машины, а потом разламывают их на части. Весь сад усеян ржавыми железками. Парни топчут цветы, обрывают с деревьев ветки. Разбрасывают в саду пивные бутылки, полиэтиленовые мешочки, старые газеты. Всюду валяется мусор.

Дом гибнет, а им и горя мало. Им бы только смеяться над всем.

Чудо, что подсолнух ещё цел. Те парни всякую красоту разрушают. Но, наверно, они не поняли, что это подсолнух, думают, это просто такой сорняк. Счастье ещё, что подсолнух не успел расцвести.

Когда в саду никого нет, Эльвис пытается там хоть немного прибраться. Но это пустое дело: на другой день всё опять как раньше. И железный лом ему не под силу унести.

Он не решается заговорить с теми ребятами. Они все намного больше его, почти совсем уже взрослые. Им ничего не стоит его поколотить. Да и потом, он не мастер говорить с людьми, не умеет убеждать и доказывать.

И ему некому даже об этом рассказать. Маме с папой нет никакого дела до дома Юлии. А все прочие, кого он знает, сейчас в отъезде: у них отпуск. Даже Ниссе и тот уехал.

Выходит, одному ему есть дело до дома Юлии.

Как-то раз он опять туда пришёл, думал, в саду никого нет. Но вдруг почувствовал, что за ним кто-то следит. Эльвис всегда чувствовал такие вещи. Даже когда был совсем маленький и лежал в коляске и спал. Стоило кому-нибудь взглянуть на него, и он просыпался.



Эльвис сразу насторожился и стал оглядываться по сторонам. На каштане сидела сова. Эльвис подошёл и встал под деревом. Сова сидела совсем низко, но ничуть не испугалась Эльвиса и не улетела.

Эльвис узнал её: это сова Петера, она ручная. Петер позволяет ей летать, где она хочет.

— Совушка! — позвал он птицу. Он знал, что Петер её так зовёт.

А вдруг Петер уже вернулся... Вот бы хорошо...

— Совушка! — снова повторил Эльвис.

Сова вспорхнула. Она летела прямо на Эльвиса. А он стоял и не двигался: ему ничуть не было страшно. Сова спокойно опустилась к нему на голову.

У Эльвиса разгорелись щёки, так он был рад. Нипочём бы он не поверил, что Совушка сядет на голову к кому-нибудь, кроме Петера и Юлии. Но сова подлетела к нему, когда он её позвал, и вот теперь она примостилась у него на макушке. Эльвис не смеет пошевелинуться, а сова всё так же спокойно сидит у него на голове.

Вдруг она взлетела, покружилась вокруг Эльвиса и вспорхнула в дом

через разбитое окно.

Эльвис поспешил за ней... Конечно, другим путём, чем Совушка: он не дотянулся бы до окна. Эльвис вбежал в дом через парадную дверь, а Совушка вылетела ему навстречу. Потом она опять полетела назад, он побежал за ней, и скоро они очутились в одной из комнат.

Вид у этой комнаты был ужасный.

Посреди неё на полу лежали обломки шкафа. Похоже, ими растапливали камин. Всюду были пятна сажи. Когда сова впорхнула в комнату, сажа чёрным облаком взметнулась кверху.

Сова нырнула в обломки и клювом выхватила оттуда тетрадку, обыкновенную, школьную. С тетрадкой в клюве она вспорхнула и снова опустилась к Эльвису на макушку.

Эльвис снял с себя шапку, чтобы лучше чувствовать лапки совы.

Это было очень приятное чувство. В груди у Эльвиса бурно вскипал смех. Он стоял, фыркал от смеха, а Совушка так сильно махала крыльями, что Эльвиса даже закачало. Сова по-прежнему держала в клюве тетрадку, и она болталась прямо перед носом у Эльвиса. Потом она вдруг разжала клюв, и тетрадка упала на пол. А Совушка всё топталась у Эльвиса в волосах и махала крыльями, и под конец он не выдержал и громко расхохотался. Совушка испугалась, вскинулась к потолку, а потом опять с размаху шлёпнулась к нему на макушку.

И тут послышались шаги. В саду скрипнул гравий.

Не иначе как Петер, подумал Эльвис.

Но по тому, как повела себя сова, Эльвис понял, что ошибся. Сова нахохлилась, приняла грозный вид. И перескочила к Эльвису на плечо.

Кто-то взялся за ручку двери, и сова взлетела под потолок. Дверь открылась, в неё просунулась голова, и сова камнем ринулась на эту голову, да ещё с таким грозным криком, что пришелец без оглядки бежал.

Это был один из тех вредных парней, может, даже самый вредный. Сова летела за ним через весь сад до ворот. Эльвис увидел в окно, как тот прыгнул в машину, и, рванув с места, умчался.

Но и сова тоже исчезла. Может, она бросилась в погоню за машиной и больше не вернётся? Эльвис остался один.

В доме было совсем темно. Теперь ему хотелось отсюда уйти. И к тому же он озяб. Эльвис было бросился к двери, но тут же повернул назад. Тетрадка! Наверно, она принадлежит Юлии. Нельзя бросать её здесь — разорвут. Вот она! Эльвис поднял с пола тетрадку и выбежал из дома.

Снаружи тетрадка была рваная и грязная. А внутри листы были чистые, только на последней странице что-то написано. Вот чудно.

Неужели Юлия начала тетрадку с конца? Может, тут какая-то тайна?

И почему Юлия не взяла тетрадку с собой?

Может, она хотела, чтобы её нашли и прочитали то, что она написала?

Хорошо, что тетрадка досталась Эльвису.

На последней странице было всего несколько строчек. Эльвис долго разглядывал их, но понять ничего не мог. Он не умел читать.

Эльвис спрятал тетрадку под куртку, поглубже засунул руки в карманы штанов и зашагал домой, весь в мыслях о том, как же теперь быть.

Наверно, ему придётся выучиться читать? Но как это сделать? Он же ещё не ходит в школу.

Вдруг он застыл посреди улицы: придумал! Он же умеет немножко писать. Письмо связано с чтением и наоборот. Надо только сообразить, каким образом связано.

Эльвис умеет писать имя своё и фамилию. Вот сейчас он пишет каблуком на песке: «Эльвис Карлссон»...

Эльвис присвистнул и уставился на то, что написал. Наверно, не так-то уж трудно разобраться во всей этой грамоте. Кажется, даже совсем нетрудно.

Когда Эльвис вернулся домой, на кухне сидели бабушка с дедушкой. Сегодня день рождения Юхана.

— Ему было шесть лет, — сказала бабушка.

Юхан тогда в последний раз отпраздновал свой день рождения. Скоро после этого он ушёл от них навсегда.

— Шесть лет, — повторяет Эльвис. — Мне уже давно шесть.

Ему уже давно шесть, но до следующего дня рождения тоже ещё далеко. Сейчас для Эльвиса самое спокойное время. Хорошо. И сегодня не он именинник.

Эльвис охотно отпразднует день рождения Юхана. Бабушка принесла ему в подарок баночку с карамельками собственного изготовления, — такие она всегда делала для Юхана. Потом ему подарили ещё большую синюю коробку с мозаикой. «Верные друзья» написано на коробке: бабушка прочитала ему название. Жаль только, нет картинки, которая показывала бы, как надо складывать мозаику.

— Сам увидишь, когда начнёшь в неё играть, — сказал дедушка.

— Надеюсь, всё на месте, — сказала бабушка, — вряд ли что-нибудь пропало. Юхан очень увлекался этой игрой. И очень её берёт.

— А что, Юхан тоже получил в подарок эту игру, когда ему исполнилось шесть? — спросил Эльвис.

— Нет, — сказали ему, — он получил её годом раньше, когда ему исполнилось пять. Юхан очень хорошо складывал мозаику. Хотя эта игра была слишком сложной для его лет, но и тут Юхан справился.

— А когда ему исполнилось шесть, он уже получил от нас совсем другой подарок, — сказала бабушка.

— А какой? — спросил Эльвис.

У бабушки был такой таинственный вид, что Эльвиса начало разбирать любопытство. Но дедушка сказал, что об этом он узнает как-нибудь в другой раз.

— Да, да, лучше в другой раз, — решительно сказала мама.

От этого Эльвису ещё больше захотелось узнать, какой подарок получил Юхан, но он не стал спрашивать. Если взрослые не хотят чего-либо сказать — нипочём не скажут.

Мама стала угощать всех пирогами и соком. Стояла такая жара, что никто не хотел пить кофе. Для кофе слишком жарко. А Эльвису мама

кладёт в сок кусочки льда, он это любит.

Бабушка посмотрела на Эльвиса и сказала: как жаль, что он остался в городе, в такой день хорошо бы свезти его в деревню.

— Поедешь с нами? — спросил дедушка.

— Правда, вот бы хорошо! — сказала мама.

Но Эльвис покачал головой. Он очень занят. Как раз сейчас у него очень много дел. Ему надо быть в городе.

— Какие у тебя дела? — сказала мама. — Уж раз тебя приглашают в деревню — так не дури. Как мы решим, так и будет.

Эльвис снова покачал головой. Бабушка сделала вид, будто ничего не заметила. Она сжала губы и уставилась в стакан с соком. Но дедушка сказал: Эльвису виднее, может он бросить свои дела или нет.

— Мы не хотим в это вмешиваться. Мы всегда будем рады видеть тебя, Эльвис. А ты приезжай, когда хочешь. Не сейчас, так в другой раз.

Тут и бабушка подняла голову от стакана с соком и сказала: да, да, пусть Эльвис приезжает, когда сможет. Но маме всё это совсем не понравилось.

— Неужели Эльвис будет решать? — сказала она. — Можно ли так баловать ребёнка?

— А это не значит баловать. Вовсе нет. Просто надо считаться с человеком. Сейчас он очень занят, а уж чем — это ему лучше знать, — ответил дедушка маме и спросил: — А если бы ты сказала, что очень занята, а мы не захотели бы с этим считаться?

— Как можно сравнивать, — возразила мама, — ведь ребёнок весь день болтается без дела!

Но дедушка сказал, что разницы никакой нет. И дети вовсе не болтаются без дела.

— Ещё как болтаются! — повторила мама.

Эльвис, пока они спорили, не сказал ни слова. Он играл кусочками льда в стакане и слушал. Дедушка, конечно, прав. Приятно, когда люди такое говорят, вот только нехорошо, что сам Эльвис присутствует при этом, да и для мамы обидно. А у мамы уже покраснели глаза и лицо.

— Лично я больше не скажу ни слова! — объявила она. — Вечно одно и то же. Мальчик совсем не слушается, а вы ещё его защищаете. Конечно, вам легко говорить, не вам ведь с ним возиться!

Мама вне себя от возмущения. Эльвис понимает: пора кончать спор. Решительно проглотив кусок пирога, он ставит стакан с льдинками на стол.

— Сегодня день рождения Юхана, — напоминает он.

Все смолкают. Потом бабушка, погладив Эльвиса по руке, говорит:

молодец, правильно сказал. Все заговаривают о другом. Скоро и мама снова такая же, как всегда.

Потом мама с бабушкой уходят за покупками, а Эльвис с дедом остаются вдвоём.

— Тогда что ж, займёмся мозаикой, — говорит дедушка и высыпает её из коробки на кухонный стол.

Эльвис любит складывать мозаику, особенно когда с ним дедушка. Оба они неплохо с этим справляются, хотя, конечно, Эльвис проворней.

Но сегодня он рассеян. Нет охоты играть. Всё время свербит одна мысль. И настроение не из лучших. А когда у Эльвиса скверное настроение, оно быстро передаётся дедушке. Чудеса, но правда. И мозаика никак не складывается.

— Что это с нами сегодня? — говорит дедушка.

Эльвис перебирает мозаику. Красиво она раскрашена.



Только никак не догадаешься, какая должна выйти картинка.

— Это последняя игра Юхана? — спросил Эльвис.

— Да, — ответил дедушка.

— Он умер, да? — спросил Эльвис.

— Да, — ответил дедушка. Оба помолчали.

— Только остальным мы не скажем, ладно? — чуть погодя предложил Эльвис.

— Ладно. Лучше им ничего об этом не знать, — сказал дедушка.

Лучше всего молчать о том, что Эльвис понял, где сейчас Юхан, сказал дедушка. Эльвис кивнул. Они снова попытались углубиться в игру, но получалось всё так же скверно.

— Что-то у нас с тобой сегодня ничего не выходит, — сказал дедушка.

Эльвис взял наугад несколько кусочков, но они совсем не подходили друг к другу, и больше он уже не стал пробовать.

— А Юхан умел петь? — вдруг спросил он.

— Нет, — ответил дедушка. — Что-то не помню... Эльвис был доволен ответом.

— Тогда, значит, Юхану хоть этим не морочили голову, — проговорил он. — А в футбол играть он умел?

— Нет, — сказал дедушка, — Юхану некогда было играть в футбол. У него были другие заботы.

Снова Эльвис как будто остался доволен ответом. Бывает, значит, что человеку некогда играть в футбол, по крайней мере так полагает дедушка. Но может, это относится только к Юхану, потому что он умер?

— Я тоже не успеваю играть в футбол, — осторожно произносит Эльвис.

— Понятное дело, — отозвался дедушка, — а кто успевает? Он подошёл к мойке и сплюнул в сточную дыру. Если бы это видела мама!

Эльвис по его примеру тоже подошёл к мойке и тоже сплюнул в сток, бесстрашно и невозмутимо. Но он слишком мал ростом, и потому его плевки попали на кухонный столик.

— Да, футбол — это чепуха! — сказал он, вытирая плевки.

Дедушка не рассердился.

— Знаешь, — ответил он, — как для кого. Если человеку нравится футбол, пусть играет, это очень даже хорошо. Но не всем же нравится гонять мяч. Мы вот с тобой любим ковыряться в земле, а другие, может, не любят.

— А вот это уже непонятно, — заметил Эльвис.

— Почему непонятно?

— Как почему? Семена — это должно быть всем интересно. И растения и цветы тоже. Ясно, почему... Где семена — там Тайна. Правда, у многих людей нет тайны. Может, с них хватит и футбола. Но у дедушки,

как и у Эльвиса, тайна есть.

— Правда, ведь есть? — переспросил Эльвис.

— Конечно, — ответил дедушка. — Только не говори никому. Лучше никому про это не знать. Так вернее. Понял?

Так, так... Значит, мама думает, что Эльвис весь день болтается без дела. Что ж, пусть думает.

А если сказать по правде, он один из самых что ни на есть занятых людей во всём городе. У него всегда куча дел, а сейчас как раз просто невпроворот.

Во-первых, он присматривает за домом Юлии и уже начал разыскивать Петера.

Во-вторых, он учится читать...

В-третьих, на нём лежит весь уход за цветами, которые он посадил в разных концах города.

Столько дел у него, что во весь день он забегает домой лишь раз-другой, чтобы перекусить. А потом снова бежит на улицу.

Маме всё это не нравится. Она боится, не ввязался ли он в какую-то опасную затею, — и в чём только его, не подозревает! Кто-то видел его у дома Юлии. Одна из собачьих подруг прогуливала там своего пёсика и, заметив Эльвиса, наябедничала маме. И она теперь думает, что он попал в плохую компанию, ведь о доме идёт дурная слава, — говорят, там притон бандитов.

Родители запретили Эльвису туда ходить...

Он клялся, что и знать не знает никаких бандитов, но всё было напрасно.

— Ты должен обещать, что не будешь туда ходить! А не то я больше не выпущу тебя из дома! — сказала мама.

Но как раз этого Эльвис не мог обещать. Должен же он присматривать за подсолнухом, не говоря уже обо всём прочем. И за домом надо смотреть. Поэтому он ничего не мог маме пообещать.

Мама несколько раз пыталась его запирать. Но на дворе дивная погода. Нельзя же всё время держать мальчика взаперти. К тому же с ним так трудно справиться, когда он дома. И мама часто мирится с тем, что он удирает.

Но каждый день она говорит:

— Смотри, пойдёшь туда опять — позвоню в полицию!

И Эльвис теперь забегает в тот сад совсем ненадолго. Стоит папе вернуться с работы домой, как мама, сразу же посылает его к дому Юлии. Эльвис знает это и к приходу папы всегда убегает оттуда. Никто не должен

видеть его у дома Юлии. Мама так подозрительна. Стоит ему забежать домой, как она сразу же начинает его обнюхивать. В газете писали, что некоторые мальчики его лет уже курят, и она вдруг вообразила, что он непременно тоже должен курить. Ей вечно кажется, будто в квартире пахнет дымом. Она и на папу тоже напускается, хочет, чтобы он подавал сыну хороший пример и сам перестал курить. Папа, понятное дело, злится и думает, что во всём виноват Эльвис. Беда, да и только. Тем более, что у Эльвиса как раз сейчас столько хлопот.

Но он не поддаётся. Очень много времени занимают розыски Петера. Может, это вообще безнадёжная затея. Эльвис обегал весь город, в разное время дня обошёл все кварталы, побывал даже на окраинах, но всё напрасно. А ведь Петер должен быть где-то близко, если сова его здесь. Но может, они случайно оказались в городе, а потом опять уехали куда-нибудь?

И Юлии тоже нет. Эльвис не знает, где она теперь живёт. Но не может же она жить в каком-нибудь обыкновенном доме. А во всём городе нет второго такого красивого, приветливого дома, как её прежний.

Для Эльвиса нет никого на свете лучше Юлии. Мама иногда рассказывает про каких-то «благородных», про людей «высшего круга». В её журналах печатают их фотографии. Эти люди живут в роскошных домах, часто совсем одни. Эльвис листает мамины журналы, смотрит, нет ли там фотографии Юлии и её мамы. Но ни разу он ничего похожего не нашёл. И фотографии Петера тоже нет.

— Мама, а может, в твоих журналах показывают не всех благородных? — как-то спросил он маму.

— В журналах снимают только самых благородных, — ответила она.

Выходит, Юлия не из их числа. Отчасти это даже хорошо. Сам-то Эльвис никакой не «благородный», понятное дело. Об этом и речи нет. Но по глупости он спросил, почему не снимают папу с мамой. А как раз это спрашивать не следовало.

— Нас снимать? Меня в этом старом-престаром пальто? Или папу, с его старой-престарой машиной? Неужели ты думаешь, что благородные так живут? — ответила мама вопросом на вопрос.

Тут папа разозлился не на шутку. И машина — что надо, сказал он, и мамино пальто тоже. И после родители поссорились, так что очень даже глупо было со стороны Эльвиса заводить этот разговор.

Но вот у Юлии и у её мамы вообще нет никакой машины... И если люди не принадлежат к «благородным», кто же они тогда? Как-то раз, оставшись дома один, Эльвис позвонил дедушке и спросил об этом.

Но дедушка сказал, что нет благородных и простых, — есть только

обыкновенные люди, а Эльвис привык верить дедушке. Хотя в тот раз Эльвис подумал: может, он что-нибудь не так понял?

Ведь Юлия куда благороднее обыкновенных людей — в этом нет сомнений.

Но и это ещё не всё. Самого дедушку тоже не назовёшь обыкновенным человеком. Хотя, может, и он тоже не числится в «благородных». И сколько бы Эльвис ни думал о людях, он не может назвать ни одного обыкновенного человека. Всех он вроде перебрал, одного за другим: нет! Нет среди них ни одного обыкновенного.

Когда он в следующий раз увиделся с дедом, Эльвис сказал ему об этом.

— Ты прав! — согласился дед. — На свете живут одни необыкновенные люди. Хорошо, что ты это понял. Так тебе будет легче найти к людям подход.

Да, надо уметь найти подход к людям, как говорит дедушка.

Но как Эльвису найти подход к маме и папе — вот что непонятно. Он сказал об этом маме просто так, по дружбе, — он вовсе не хотел ей грубить, но она очень рассердилась и сказала, что он бессовестный.

— Не ты должен искать к нам подход! Это мы вынуждены искать к тебе подход! Ещё что выдумал! — закричала мама и от негодования покраснела.

А он ведь только хотел с ней это обсудить, может, они до чего-нибудь и договорились бы, но, выходит, договориться нельзя. А раз так, лучше вообще поменьше попадаться ей на глаза, хотя ему самому уже надоело всё время от неё убегать.

И даже не стоит просить, чтобы его научили читать, зря он на это надеялся.

Всё равно ведь ничего не выйдет...

Попроси он сейчас помощи, родители станут удивляться, зачем это ему вдруг надо читать. Ещё чего доброго начнут выяснять, зачем. Но он-то понимает, что тетрадка Юлии — не для чужих глаз.

Он даже боится держать её дома. Он вырвал из тетрадки последнюю страницу, где написаны загадочные слова, и сунул её за пазуху.

Потом он пошёл на кладбище и выкопал из-под еловой изгороди шкатулку с камнем. Он много раз сложил листок, пока тот не стал совсем маленьким. Опустил бумажку на самое дно шкатулки и сверху прикрыл камнем. На всякий случай он обвязал шкатулку верёвкой, чтобы не открылась крышка. Потом снова закопал коробку, только в другое место. Хороший тайник он нашёл для листка из тетрадки. Теперь уже никто не

доберётся до письма Юлии. Эльвис может быть спокоен. Со своими заботами надо справляться самому, и всё тут.

Потом он начал учиться читать.

Никто не должен знать, что он затеял. А ему ничего и не надо, кроме кипы старых, никому не нужных журналов. Уходя из дома, он всегда брал их с собой.

Он начал внимательно разглядывать крупные заголовки в журналах. И скоро догадался, как узнавать буквы. Он ведь умел писать своё имя. Тогда он вырезал из журналов буквы, из которых оно составлялось. Всего десять букв, некоторые ведь повторялись дважды. Выучив их, он начал смотреть объявления. По объявлениям многое можно понять, если, конечно, у человека есть смекалка.

Для этого годятся и рекламные листки, которые бросают в почтовый ящик. Там рядом с названием товара и картинка; так вот и узнаёшь одно за другим. Конечно, при этом могут быть и ошибки, и времени много уходит: работа уж очень кропотливая. Надо, чтобы буква много раз повторялась в разных сочетаниях, только тогда ты можешь быть уверен, что знаешь её. Хотя, конечно, есть и другие способы учиться читать.

Гуляя по улицам, Эльвис разглядывал буквы на вывесках. И в магазины заходил, и разглядывал все товары, на которых буквы. И цифры. Надо ведь и цифры тоже знать. А цифры совсем не такие, как буквы. Очень много времени нужно, чтобы выучиться читать. Правда, учиться довольно интересно.

Эльвис решил, что не возьмёт в руки записку Юлии, пока не сможет читать совсем хорошо. Он должен быть твёрдо уверен, что умеет читать, когда возьмётся за её письмо.

Даром времени он не тратил. Куда бы он не забрался в поисках Петера, он всюду выискивал буквы и старался разобрать слова. В прошлый раз он даже обошёл всё кладбище и рассматривал надписи на могильных камнях. Там много всяких имён и цифр. Некоторые имена он разобрал.

Например, «ЮХАН».

Ему стало как-то не по себе, когда он вдруг увидел это имя.

Неужели здесь лежит Юхан? Этого он даже представить себе не мог. Он думал, Юхан лежит там, в деревне, где живут бабушка с дедушкой.

Потом Эльвис увидел то же имя на других могилах. Юханов было больше, чем он мог сосчитать. Так много, значит, их умерло.



Но нигде ни одного Эльвиса. Он заново обошел все могилы. Нигде ни одного. Как же так? Очень странно... Эльвис даже заволновался.

Но скоро он всё понял. Кругом много могил без надгробных камней. В этом всё дело. Там и лежат все Эльвисы. Только почему они без надгробий? Их просто обидели или, может, они сами не хотели? Кто знает. А сам он — захотел бы он камень?... И вообще... Нравятся ему могильные камни?...

Но вот цветы Эльвисам наверняка пригодятся. Он сбегал в магазин и купил там кулёк с семенами мака, потом посадил семена на всех могилах, ни одного Эльвиса не забыл.

Но потом его стала мучить совесть из-за Юхана. Сколько одежды Юхан ему подарил и сколько игрушек. И ещё ключик, и кусочек от мозаики.

А он-то хорош: стоит тут в костюме Юхана — и не подумал посадить цветы на его могиле. Стыд какой! А ведь он доволен, что носит одежду Юхана, хотя взрослые

думают, что он стыдится. Наоборот, Эльвис гордится, что на нём костюм мальчика, который умер.

Нет, Эльвис должен хоть что-то сделать для Юхана! И хочешь не хочешь — он второй раз сбегал в магазин и купил ещё один кулёк семян. Только на этот раз не маковых.

Маки — большие, весёлые, красивые цветы. Но подует ветер — и они опадают. Они ярко горят, но живут недолго. На этот раз Эльвис купил

цветочную смесь. В кульке много разных семян. Отцветёт один цветок — распустится другой, потом ещё один. И так у всех Юханов на могилах долго будут цвести цветы: до поздней осени.

На небе солнце, хотя уже почти вечер. Сейчас лето, а на даче лета ещё больше. Хорошо, что Эльвис едет на дачу, хотя, сказать по правде, он сейчас очень занят.

Сегодня пятница.

Папа, мама и Эльвис вернутся в город лишь в понедельник утром. Эльвис укладывает в сумку свои вещи. Укладываться интересно. Мама никогда не знает, что ей взять с собой, зато Эльвис знает. Скоро его сумка набита доверху: так быстро он управился с этим делом. А вот мама никак не управится.

Папа снует взад-вперёд между машиной и домом и перетаскивает вещи, которые надо везти на дачу. Он уже начинает злиться из-за того, что мама так долго возится. Он торопит её, и у мамы всё валится из рук. И Сессан лает, потому что маме некогда ею заняться. Всё это Эльвису давно знакомо. Тут гляди в оба, под руку никому не попадайся. Потому-то Эльвис сразу залезает в машину.

Он смотрит в окно. Кругом — куча детей, они весело играют, но Эльвис не знаком с ними. Он видит их каждый день, и они видят его, но они не глядят друг на друга. Наверное, он никогда с ними не познакомится. Особенно после того, что однажды случилось с ним. Давным-давно.

Он шёл по улице. И вдруг ему навстречу — два мальчика, которых он раньше не видел, наверно школьники, поэтому что они несли сумки с книжками и ростом были побольше его.

Эльвис сам не знает, как это вышло. Но только он вдруг остановился и сказал:

— А я вижу вас в первый раз!

Мальчики уставились на него, но почему-то не глядели ему в глаза. Взгляды их так и шарили по нему и обшарили его с ног до головы: выхватили куртку, штанишки, шапчонку.

— Что это ты на себя напялил? — спросил первый мальчик.

Эльвис, понятно, сказал им правду: на нём одежда

Юхана, ему подарили её потому, что тот умер. Тут они стали показывать на него пальцем, и смеяться, и передразнивать его. Они повторяли всё, что он сказал: что он видит их в первый раз и что на нём одежда Юхана, а Юхан умер. Чудные какие-то. Они ни разу не взглянули ему в глаза, как полагается, когда знакомятся друг с другом, как всегда

делают животные. И тогда он ушёл от них.

Но они не отставали от него. Они шли за ним и всё время повторяли одно и то же. Откуда-то вдруг взялись ещё мальчишки, и ещё, и ещё. Под конец за ним тянулась целая вереница. И все выкрикивали те же слова, передразнивая Эльвиса.

Он немного испугался и не знал, что делать. Он остановился — они тоже. Он пытался что-то им сказать — они не отвечали, только передразнивали его. Что бы он ни сделал — всё передразнивали, только теперь никто из мальчишек больше не смеялся, они на него за что-то злились.

Они подступали к нему всё ближе и ближе, вот они уже совсем рядом... И тут он побежал. Они погнались за ним и теперь злились ещё больше. Один мальчишка ударил его сумкой, и он пошатнулся. Тогда его опять стукнули, он упал, а мальчишки всё колотили его сумками, стараясь ударить побольнее.

В эту минуту появилась Юлия. Эльвис тогда ещё её не знал, просто видел мельком. Юлия помогла ему встать и велела бежать домой, а он не мог сдвинуться с места — будто прирос к земле. Тогда она опять сказала ему: «Беги!» — и он не посмел послушаться. Что было дальше, Эльвис не знает. Он только слышал их крики. Юлия ругала мальчишек почём зря, а они что-то орали в ответ.

Он так и не узнал, чем тогда кончилось дело. Он не хотел спрашивать Юлию, хотя они после этого познакомились. Она заговорила с ним, когда они встретились в другой раз. Вот только с Петером он ни разу не говорил. Петер иногда кричал ему: «Привет!», но Эльвис не отвечал, он робел, и Петер больше не окликал его. Но они всегда глядят друг на друга, когда встречаются, глядят прямо в глаза так, что можно считать, они знакомы. Хотя, конечно, мало знакомы. А вот с этими ребятами он ничуть не знаком.

Вот так Эльвис сидит в машине и размышляет о том о сём, дожидаясь мамы и папы. Ну, теперь они наконец готовы.

Мама с Сессан на руках подходит к машине и садится рядом с Эльвисом. Папа один сидит впереди. Машина трогается с места.

Сейчас пятница, вечер, и они едут на дачу.

На другое утро сияет солнце. Мама с папой весёлые. Утренний кофе семья пьёт в саду, и мама с папой всё время шутят. Сегодня они добрые.

После завтрака собрались идти на море купаться. Эльвис рад бы пойти с ними, если им это нужно, только он не может. Он другое задумал. Так часто бывает: он хочет сделать по-ихнему, но не может. И трудно решить,

как тут быть.

Эльвис смотрит на папу с мамой и молчит. Они сейчас такие весёлые — вдруг они обидятся, если он не пойдёт с ними к морю? Если' надо, он пойдёт. Но если не обидятся, тогда, конечно, гораздо важнее то, что Эльвис сейчас придумал, и он не пойдёт купаться. Знать бы только, как поступить.

Родители взяли купальники и стоят ждут.

— Идём, Эльвис! — говорит мама.

— И поскорей! — кричит папа.

Между ними прыгает Сессан. Они стоят на солнце, смеются.

Хорошо. Он пойдёт с ними. Сейчас уже поздно спорить. Он опоздал. Ему придётся отложить то, что он задумал. Эльвис быстро догоняет родителей...

У моря было весело. Папа пытался научить Эльвиса плавать, но ничего не вышло, совсем ничего: Эльвис боялся оторвать ноги от дна, хотя папа держал его. Но он не рассердился, а только смеялся, и мама тоже. И сам Эльвис тоже. Все смеялись.

Вечером мама с папой сели в машину, решили съездить в город, но тут Эльвис уже не поехал с ними: хотел наконец приняться за свои дела. Родители не рассердились.

— Вот глупыш! Сидеть взаперти в такой дивный день! — воскликнула мама, хотя на этот раз не обиделась на него. Даже и тогда не обиделась, когда Эльвис сказал, что сами они ведь тоже будут сидеть взаперти — в своей машине.

Сегодня родителям что ни скажи, они только смеются. Так уж иногда с ними бывает. Это самые лучшие дни.

Оставшись один, Эльвис закрыл все окна и двери, чтобы стало совсем уютно. Потом взял последнюю игру Юхана — коробку с мозаикой, ту самую, на которой написано «Верные друзья». Он вышел на кухню и высыпал всю мозаику на пол. В доме было пусто и тихо, только тикали кухонные часы. Лучше не придумаешь обстановки для серьёзного дела.

Растянувшись в кухне на животе, Эльвис стал рассматривать мозаику. Он всегда так поступал, прежде чем составлять картинку: сперва надо хорошенько рассмотреть все мозаинки. Он поднимал их с пола одну за другой, ощупывал кончиками пальцев, поглаживал, чтобы его руки тоже их знали. Он даже нюхал их и долго разглядывал краски, потом раскладывал — какая к какой подходит.

Потом он стал составлять картину. Сегодня всё шло как по маслу. Мозаинка ложилась к мозаинке, и он даже не колебался в выборе, всё делалось как-то само собой, как бывает только во сне.

И вот на полу появилась картина. Недоставало лишь одной мозаинки. Но картина была уже видна. Два коня, вороной и белый, стоят у забора голова к голове, над ними синее небо, а вокруг — зелёный луг. Очень красивая картина.

Эльвис стал искать последнюю мозаинку. Наверно, она валяется где-то на полу — закатилась куда-нибудь, когда Эльвис высыпал игру из коробки. Эльвис поискал под столом и под табуретками, заглянул в коробку. Куда же она запропастилась? Нигде её нет. Бабушка всё боялась, как бы что-нибудь не пропало. Выходит, не зря. Жалко-то как! У белого коня не хватает морды. Насупившись, Эльвис смотрел на картину.

Потом подошёл к окошку и выглянул в сад. Хорошо так стоять у окна и глядеть. Он мог бы так стоять сколько угодно...

Вдруг что-то шевельнулось под окном. Что-то белое промелькнуло и скрылось. Эльвис замер.

Над садом сияло солнце, но Эльвису показалось, будто его закрыла холодная туча. Хотя холод был у него внутри. Этот холод сдавил ему грудь.

Он догадывался почему. Собственно, он это даже знал. Он не видел её, но всё равно знал...

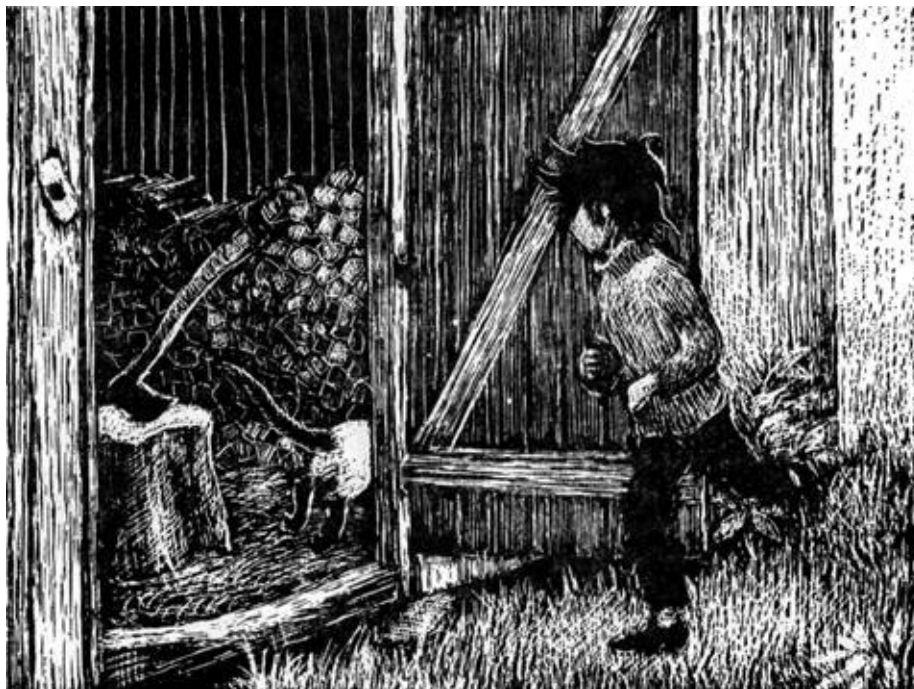
Ведь это Сиппан промелькнула под окном.

Ещё мгновение, и кошка прыгнула на тропинку. Она потянулась мордочкой к окошку, за которым он стоял. И тоже застыла. Взгляды их встретились сквозь стекло.

Кухонные часы тикают, тикают. Но время остановилось. То ли секунды прошли, то ли минуты. Сиппан и Эльвис не отводят глаз друг от друга.

Снова ожила прежняя боль. Отчаяние, которое он испытал, когда у него отняли Сиппан, снова захлестнуло его. Будто вихрь налетел и сбил его с ног. Но чем дольше он глядит в глаза Сиппан, тем спокойнее становится у него на душе, и боль мало-помалу стихает. Их глаза сказали друг другу всё. Если бы Сиппан пробежала мимо, боль осталась бы внутри. Хорошо, что кошка всё понимает: она ждала, когда уляжется боль. Может, и она то же самое чувствует. Похоже, что так...

Вдруг ушки у Сиппан вздрогнули, и она взглянула на дровяной сарай. Эльвис тоже зашевелился. Теперь он совсем спокоен, боль уже стихла. Только саднит немного, будто в груди заживает рана.



Эльвис возвращается к своей игре. Задумчиво глядит он на коня, оставшегося без морды, без глаз...

Вот! Вдруг его осенило... Он кинулся к деревянному сараю. Где то полено — в самом дальнем углу? В самом низу штабеля. Вот! Он вытащил полено и вынул из-под него коробку с одной мозаинкой и ключиком. Ключик он положил назад. Пусть лежит под поленом и ждёт своего часа.

С мозаинкой в руках Эльвис помчался назад. Все двери в доме теперь открыты: Эльвис совсем позабыл их притворить.

В кухне он долго стоял и глядел на мозаику, разложенную на полу. Кончиками пальцев он ощупал последний кусочек, который принёс из сарая. Так оно и есть. Лошадиная морда и тёмный лошадиный глаз много лет пролежали в сарае и ждали...

Эльвис стал на колени и приложил к мозаике последний кусочек. Чудо. Вся картина вдруг изменилась: блестящий лошадиный глаз смотрел прямо на Эльвиса.

В тот же миг он почувствовал, что Сиппан рядом. Достаточно протянуть руку, чтобы погладить кошку, но он стоит смирно, боится её испугнуть. Кошка тоже смотрит на коня, её зелёные глаза сверкают.

Торжественная минута. Минута почти полного счастья...

Минута. Ещё минута...

Во двор въехал автомобиль.

Сиппан прыгнула, мозаинки разлетелись в разные стороны. Кошка

молнией метнулась в дверь.

Эльвис поспешно собрал с полу все мозаинки и спрятал коробку.

Это вернулись родители.

— Неужели ты весь вечер просидел в доме? — спросила мама. — В такую дивную погоду?

Ходить к дому Юлии теперь небезопасно. Эльвис в этом убедился. Он теперь всегда озирается, подходя к её саду: вдруг там кто-то есть.

Он подолгу выстаивает у ворот — смотрит, нет ли кого. И сегодня он точно так же стоял и ждал. В саду было тихо. И в доме как будто тоже. Тогда он вошёл в сад и занялся своими делами.

Как всегда, он обрадовался, что подсолнух цел. Цветок и правда хорош: он уже намного перерос самого Эльвиса. А что это там на верхушке, неужели бутон? Это надо выяснить.

Эльвис огляделся. Вон на траве старый ящик из-под пива. Если встать на него, может, тогда он дотянется до бутона?

Это, конечно, бандиты притащили сюда ящик. Вот бы и пустили его на растопку, вместо того чтобы рубить шкаф. Эльвис подтащил ящик к подсолнуху.

Только он взобрался на ящик, как почувствовал, что поблизости кто-то есть. Из окна, что рядом с подсолнухом, вдруг высунулись каминные щипцы. Эльвис не успел увернуться. Щипцы ударили его в грудь — так сильно, что он упал в траву.



Он хотел вскочить и убежать, но тут увидел троих подростков: двух мальчишек и девчонку, куда старше, чем он, почти что совсем больших. Один за другим они вылезли в окно.

Все трое набросились на него.

— Ты что здесь вынюхиваешь? Сопляк паршивый!

Они пинали его и плевались. Эльвис хотел встать и не мог. Только он пытался подняться, они снова швыряли его на землю. Трава была мокрая, сырая: несколько дней лил дождь; погода стояла влажная, хмурая.

— Как нам быть с этим сопляком? — сказал один из подростков. — Отпустишь его, настучит!

— Будешь трепать языком — убьём! — сказала девчонка. — Она взяла несколько веток и связала их в розгу.

— Видал? — сказала она. — Вот этой штукой мы отучаем сопляков шпионить за нами! Мы знаем, где ты живёшь, так что берегись!

— Нельзя отпускать мальчишку! — снова сказал первый парень. — Натреплет, как пить дать!

— Я ничего не скажу! Честное слово! — взмолился Эльвис.

— Заткнись! — прикрикнул на него парень.

— Он же не знает, кто мы такие, — сказал другой, с виду добрее. —

А раз так, какая важность, хоть бы и натрепал! Не можем же мы держать его здесь, хлопот не оберёшься. Да что там, отпустите его!

Девчонка сунула розгу под самый нос Эльвиса.

— На, понюхай! — сказала она и свирепо замахала руками перед его лицом.

Злобный парень нагнулся и начал стаскивать с Эльвиса штанишки.

— Хорошая порция розог ему не повредит! — сказал он. — Может, тогда хоть уразумеет, что мы сделаем с ним, если будет трепаться! А ну, скидывай портки!

Но Эльвис и не думал сдаваться. Он дрался и кусался, как дикий зверёк. Бандиты даже растерялись: откуда у мальчишки такая сила? Эльвис лягнул злобного парня в лодыжку, и тот начал ругаться почём зря. Девчонку Эльвис схватил за волосы, но та ударила его розгой по лицу, и ему пришлось выпустить косу. Но он всё равно не сдавался. Он продолжал отбиваться изо всех сил. В самый разгар битвы в сад въехала машина. Трёх бандитов сразу же будто смыло с лужайки. Эльвис остался один. Он смекнул, что надо бежать, и побежал. Но только не знал — куда. Не знал он и того, кто сидит в машине. Он хотел было кинуться к ней, но раздумал. Счастье его, что раздумал. Потому что в следующий миг он увидел тех троих. Они подходили к машине. Значит, тот, кто приехал, их приятель. А раз так, он Эльвиса не спасёт.

Эльвис спрятался за углом дома. Он видел тех троих, а они его — нет. Он понял: парню, который сидит в машине, они рассказывают о том, что произошло. Они говорили наперебой, размахивая руками. Тот новый парень выпрыгнул из машины. Вид у него был свирепый.

— Болваны! Нельзя отпускать мальчишку! — заорал он во всё горло.

Остальные помчались к забору: наверно, думали, Эльвис юркнул в калитку.

— Он не мог далеко уйти! — крикнула девчонка.

Все бандиты, кроме того парня с машиной, высыпали на дорогу. А тот стоял и курил. И Эльвис тоже стоял, боясь пошевелиться. Что же теперь будет? У него нет никакой надежды спастись. Даже если бы ему удалось проскользнуть мимо парня с машиной — всё равно не миновать встречи с остальными тремя, когда они вернутся назад. А они вот-вот вернутся, увидев, что Эльвиса нигде нет.

Значит, надо спрятаться здесь, это единственное, что остаётся. Но где? В саду его увидят. Начнут рыскать и сразу найдут его. Здесь негде укрыться.

Нет, он должен спрятаться в доме. Как это ни страшно, иначе нельзя.

Бандитам и в голову не придёт, что он мог на это решиться.

Он крадётся вдоль стены, стараясь отыскать хоть какую-нибудь лазейку. До окон ему не дотянуться. С парадного входа не войдёшь — увидят. С чёрного — тоже. Но с задней стороны дома есть дверь, которая выходит на террасу. Была бы она открыта... Но как это узнать?...

Вот снова слышны голоса, бандиты идут назад.

Эльвис бросается к задней стороне дома, взбегают на террасу и кидается к двери. Она не открывается. Он погиб.

В отчаянии он изо всех сил налегает на ручку двери, повисает на ней всем телом.

Ручка поддаётся. Дверь открывается. Наверно, просто заело замок.

Эльвис врывается в дом, в спешке не притворив дверь террасы. Но он тут же замечает это, бросается назад и снова повисает на дверной ручке — иначе дверь не захлопнется.

Нельзя оставлять её открытой, бандиты тогда сразу поймут, что он здесь.

Они уже в саду, он слышит их голоса. Только бы они не вздумали искать его в доме! Голоса у них сердитые, возбуждённые.

Эльвис крадётся по лестнице на верхний этаж и прячется в самой дальней комнате под разбитым окном.

Ему слышно всё, что они говорят там внизу, каждое их слово.

— Бесёнок! До чего быстро бегают! — говорит один из парней.

Но девчонка с розгой в руках всё ходит по саду, ищет Эльвиса.

— Не мог он сбежать! — говорит она. — Невозможно! Наверно, Эльвис сидит где-нибудь под кустом, говорит она, и мальчишки тоже принимают его искать. Только тот парень по-прежнему стоит у своей машины и курит. Они не находят Эльвиса, и тогда он учиняет им настоящий допрос.

— Что нужно было этому сопляку? — допытывается он.

Кто знает. Наверно, хотел что-нибудь разнюхать, отвечают другие. Похоже, они боятся парня с машиной. Он намного старше их, почти взрослый, он больше их и сильнее. Они оправдываются. Мы хорошенько всыпали ему, клянутся они, мальчишка наверняка не посмеет болтать, такие малыши боятся полиции.

Но парень с машиной даже не хочет слушать.

— Идиоты вы! — кричит он. — Дали бы мне этого сопляка! Я знаю, как поступать с такими!

Эльвиса пробирает дрожь от этих слов. Бандиты начинают спорить; им не понравилось, что тот парень обозвал их идиотами, они сыплют

ругательствами и наперебой хвастают, кто лучше расправится с Эльвисом. Не очень-то приятно всё это слушать. Теперь, по крайней мере, он знает, что его ждёт, если его схватят.

Как же ему убежать? Может, они скоро уберутся из этого сада?

Но они не торопятся. Выгружают из машины разные вещи. И — что хуже всего — входят в дом.

Теперь Эльвис попался. У него нет ни малейшей надежды спастись. Разве что бандиты не станут подниматься наверх.

Эльвис сидит на полу тихо, как мышь, не смея пошевелинуться. Понемногу он приободряется. Похоже, что они так и будут торчать внизу. Значит, просто надо переждать. Хуже всего, что он сидит без дела. Сидишь как болван и глядишь в одну точку. Когда у тебя такая уйма дел...

В другом конце комнаты, на полу, валяется журнал. Вот добратся бы до него! Тогда он мог бы немного поупражняться в чтении. И не всё время пропало бы зря.

Может, попробовать...

Правда, комната велика как мир. Пол — точно океан. Эльвис боится ступать по половицам. Они могут скрипнуть. Но что, если ползком...

Так. Скрипнуло. По счастью, никто, кажется, не слышал. На всякий случай он немного подождал. Потом лёг на живот и пополз: не очень это удобно, но ничего!

Вот и добыл журнал! Отлично: тут написано про машины и про моторы и уйма автомобилей на картинках. «Вольво» — папина машина — здесь тоже есть на картинке. «Вольво» — весёлое слово, читается легко.

Так Эльвис перестал замечать, как идёт время. И только когда за окном стало смеркаться, он понял, что уже поздно. Сколько он здесь просидел? Трудно сказать.

В доме теперь тихо. Он прислушался. Может, бандиты ушли? Но почему же он ничего не слышал? Слышно ведь, когда отъезжает машина.

Заснул он, что ли?

Или, может, бандиты уснули? Может, потому внизу так тихо?

Как же ему теперь быть? Не оставаться же здесь на всю ночь. Но если бандиты там внизу и спят, он не сможет пройти мимо них. Они же проснутся.

Эльвис подкрался к окошку посмотреть, здесь ли ещё машина.

Вот беда — ничего не видно. За окном — сплошная белизна. Будто весь дом окутан огромным облаком.

А что, если это дым? Может, в доме пожар? Может, бандиты подожгли дом? А потом удрали? Но если в доме пожар, тогда ведь должно пахнуть

дымом? Эльвис высунул голову в окно и потянул носом воздух. Нет, запаха никакого нет, только сырость. Значит, это туман. Вот оно что...

Надо выбираться отсюда. Сначала надо узнать, здесь бандиты или нет. Машину в тумане не видно.

Он постоял, подумал. Хорошо бы туман проник в дом и заполнил его, чтобы Эльвис мог незаметно проскользнуть мимо бандитов. Окна почти все дырявые; если обождать немного, может, туман просочится в дом. Эльвис сел на пол. И снова стал ждать. И ждал ещё долго.

Его стало клонить ко сну, он немного вздремнул. А когда проснулся, было уже почти темно, особенно в доме. Снаружи, за окном, было чуть светлее, но туман стоял такой же густой. Зато внутри дома никакого тумана не было. Теперь уже больше ждать нельзя. Будь что будет. Пора в путь.

Эльвис прокрался к двери, бесшумно отворил её. Всюду тихо. Шаг за шагом он начал осторожно спускаться по лестнице. На каждой ступеньке он замирал и слушал. Сердце громко стучало. Что бы ему биться потише, оно так сильно стучит, что ничего и не расслышишь.

С середины лестницы видна прихожая. Эльвис застыл на месте. Потёмки заволокли дом: не разберёшь, где человек, где тень. Но всё тихо. Ни звука, ни шороха. Он сделал ещё шаг. И ещё один...

Ничего. Эльвис совсем спустился с лестницы и бесшумно прокрался через холл к двери. Открыл её. И застыл на крыльце.

Перед ним стеной стоял чёрный туман, почти совсем чёрный. Дверь притворилась за ним. Эльвис стоял, не решаясь вернуться в дом, не решаясь уйти. Он не знал, как быть.

Вдруг он вспомнил, что взял с собой карманный фонарик. Он вынул его, включил. Но свет был совсем слабый.

Эльвис потушил фонарик и нырнул в туман.

Он сделал несколько шагов...

Перед ним возник чёрный ствол, и он едва успел вытянуть вперёд руки, чуть-чуть не напоролся. Он не разбирал дороги — такая густая стояла кругом тьма: мгла и туман, нигде ни огонька... Он прислушался...

Так тихо везде. Будто ни свет, ни звук не пробиваются сюда, будто всё поглотил туман. Эльвис крепко уцепился за дерево — единственную опору в этой зыбкой мгле — и долго не отпуская его.

Он не заметил, сколько времени простоял так, ни о чём не думая, будто туман поглотил и его мысли тоже. Потом он вдруг понял, что надо поторопиться. Он должен вернуться домой.

Эльвис выпустил ствол и пошёл, выставив вперёд руки, чтобы не напороться на что-нибудь. Шаг за шагом, ощупью он продвигался вперёд. Под ногами была трава.

Но шёл ли он в нужную сторону? Откуда ему знать? А вдруг он просто бродит по кругу?

Наконец под ногами у него скрипнул гравий, и он словно обрёл твёрдую почву. Теперь он хоть знал, что идёт по дорожке, которая вела от дома к калитке. Только бы не сбиться с неё — тогда он в конце концов выберется из сада.

Он шёл и шёл. Он и не подозревал, что дорожка такая длинная. Казалось, ей нет конца. Всё сегодня не такое, как всегда.

Где же калитка? Может, он миновал её, сам того не заметив? Но если так, то под ногами уже должен быть асфальт. А его нет. Всё тот же гравий. Может, парни сняли калитку с петель? Чтобы вывести из сада машину?

Нет. Вот наконец и калитка. Она открыта. Эльвис вышел и закрыл её за собой.

Хорошо. Хоть выбрался из сада.

Теперь, главное, перейти деревянный мост: по нему как раз едет машина с зажжёнными фарами. Но она едет сюда, навстречу Эльвису. Машина бесшумно проплыла мимо и остановилась.



Может, это бандиты вернулись назад? Эльвис не стал задерживаться, чтобы это проверить. Он со всех ног бросился бежать через мост, скользя рукой по перилам.

Потом оставалось только идти и идти. Улицу отыскать уже легче, главное — надо теснее прижиматься к стенам домов, чтобы не угодить на мостовую, не попасть под машину. Было жутко оттого, что вдруг вспыхивали и проносились мимо автомобильные фары. Жутко, когда вдруг кончился тротуар и надо было переходить на другую сторону. Вот-вот полетишь в пропасть. Временами слышались звуки шагов и чьи-то голоса, его обгоняли бледные тени. Жутко.

Вдруг из тумана выступила фигура, два глаза заглянули Эльвису в лицо, блеснули и скрылись. Ещё один мальчик... Но его лицо растаяло и исчезло во мгле раньше, чем они успели что-либо сказать друг другу.

Эльвис обернулся, но мальчика уже не было видно, и вздумай тот обернуться, он тоже Эльвиса не увидел бы. Они так и не решились окликнуть друг друга.

После этой встречи Эльвис всё же повеселел: он не одинок, в этом тумане бродит ещё один такой же мальчик.

Эльвис проходит мимо освещённых окон. Мгла уже не такая призрачная и страшная, как прежде. Мир по-прежнему существует, он не растворился во мгле, как казалось вначале. Несмотря ни на что, он остался таким, как был. А Эльвис скоро уже доберётся до дома. Последний отрезок пути он одолевает быстро.

И вот он уже у своего дома. Но не спешит войти, прислушивается. И в первый раз в жизни жалеет, что не слышно радио.

В доме тихо. Где-то захлопнулось окно. Но больше никаких звуков.

Парадный вход всё же не заперт. Чёрный ход тоже ещё не заперт. Остаётся только войти. Как просто всё... Никаких препятствий...

У Эльвиса только одно желание — лечь спать.

Он распахнул дверь и понял, что сразу лечь не придётся. Посреди комнаты — в свете люстры — стояли мама с папой и глядели на него так, как будто увидели привидение. В их глазах был сплошной укор.

Сначала все молчали, ни радио, ни телевизора не было слышно. Тишина вдруг показалась ему в тысячу раз страшнее всех слов.

Потом залаяла Сессан. И сразу же на него обрушились вопросы.

Эльвис мигал на свет, тёр глаза.

Ужас до чего ему хотелось спать! Вопросы барабанили по ушам, не проникая внутрь. Сколько пришлось бы объяснять, сколько всего... Эльвис еле заметно зевнул.

Подошла мама и принялась чистить щёткой, его куртку и брюки. Все вещи перепачканы чем-то белым, раздражённо говорила она.

— Чем это?

— Это от тумана, — отвечал Эльвис.

— Ты, что, смеёшься над нами?

У папы сердитый голос, он трясёт его за руку.

Мама всё чистит и чистит. У неё тоже сердитый вид. Оба ругают Эльвиса. А он изо всех сил старается проснуться и понять, что ему говорят.

Эльвису кажется, будто голова у него тоже в тумане. Он вовсе не думал смеяться над мамой и папой, когда сказал, что белые пятна на его вещах от тумана. Но рядом ещё и чёрные пятна тоже; когда мама показала их Эльвису, он ответил: ничего удивительного, сначала туман был белый, а

после стал чёрный. Больше ничего он не мог им объяснить. И совсем не понимал, почему они негодуют, всё ведь так просто.

Под конец родители отступились. Упрямый, несносный мальчишка, сказали они, всегда одно и то же. В наказание надо бы отослать его спать без ужина. Всё же мама выставила для него на кухонный столик еду. Это потому, что она такая добрая, объяснила она, Эльвис совсем этого не заслужил.

Хотя вообще-то Эльвис не голоден, он только очень сонный. Просто удивительно, как действует на человека туман. А ужин пусть себе стоит, у Эльвиса нет даже сил жевать.

Тут наконец ему разрешают раздеться и лечь в кровать, а может, это мама раздела его, он не помнит, он уже спит.

На другой день он снова весел, как воробей. Туман растаял и в голове, и на улице. Всюду солнце. Папа проснулся рано. Эльвис сразу вскочил и сейчас сидит с папой за кухонным столом и ест. Мама ещё в постели, и завтрак готовил папа. Сегодня во всём полный порядок. На кухне спокойно, тихо. Никаких вопросов. С папой вообще хорошо по утрам: ни лишних разговоров, ни радио. Папа только жуёт и читает газету. Бывает, он что-то буркнет себе под нос, если про футбол написана какая-нибудь чепуха, но отвечать на это не обязательно, можно и дальше думать о своём.

В будний день с папой на кухне очень даже приятно, хуже будет, когда он уйдёт. Обычно Эльвис старается улизнуть из дома вслед за папой, хотя папа этого не любит. Пусть Эльвис подождёт, пока проснётся мама, говорит он. Мама решит, когда ему можно пойти гулять.

Сегодня мама решила, что он вообще не пойдёт гулять. Пусть весь день сидит дома. По справедливости, следовало бы вообще оставить его в постели за то, что он вчера натворил. Но ладно уж: мама добрая. А выпустить его на улицу она боится. Эльвис пытается возразить, но всё напрасно, мама непреклонна.

Конечно, дома он тоже мешает ей, говорит она, но все же лучше так, чем весь день волноваться. Тем более, что он не хочет сказать, где был вчера. Хоть бы объяснил, почему он пришёл весь в грязи и всю одежду изорвал и перепачкал.

Пусть сам пеняет на себя, говорит мама. Ей нисколько его не жалко.

— Я добра тебе желаю, можешь ты это понять? — спрашивает она.

Да, конечно, он это понимает. Он был бы рад рассказать, что с ним приключилось, но только это невозможно. И чем больше мама распекает его, тем это становится невозможней.

— Раз ты не можешь сказать, что ты вчера делал, значит, ты натворил что-то ужасное! — заявляет она, впиваясь в него глазами.

Он ещё пожалеет, что не хочет ничего говорить. Она, может, больше никогда в жизни не решится выпустить его на улицу.

Эльвис не знал, что ей ответить. Вчера было очень страшно. Но если он ей расскажет, будет ещё страшней, потому что мама такая невыдержанная. Самое лучшее — забыть обо всём. И никогда больше не вспоминать. Под конец, как бы в утешение и себе и маме, он говорит:

— Ты, мама, не огорчайся. По телевидению, бывает, ещё ужасней

вещи показывают...

И правда, по телевидению они с мамой ещё и не такое видели. Но маму его слова ничуть не успокоили. Что поделаешь, они говорят на разных языках, им трудно понять друг друга.

Всё утро звонил телефон, и мама сообщала телефонным тётенькам про вчерашнее происшествие. Все с ней совершенно согласны, сказала ему потом мама: будь Эльвис их сыном, они бы ему показали. Звучит это очень страшно, но Эльвис не из пугливых.

Такое он слышит уже не в первый раз, даже неохота спрашивать, что бы ему показали. Мама никогда не может ответить на этот вопрос.

Временами ему просто её жаль. Она твердит одно и то же. Для неё самой было бы лучше, случись ей выдумать что-нибудь новое. О чём бы она ни говорила — о погоде, о еде или о деньгах, но особенно, когда она его воспитывает, мама день за днём повторяет одно и то же. Всегда заранее знаешь, что она скажет. Неужели она сама этого не замечает? Наверно, нет. Потому что говорит об этом так, будто только что сделала для себя открытие. Чудно.

Пока мама стирает в ванной, Эльвис снова пытается выскользнуть за дверь, но мама ловит его. Это уже слишком! Она идёт к телефону.

— Сейчас я позвоню в полицию! — говорит она и поднимает трубку. Набрав номер и услышав ответ, мама спрашивает: — Это полиция?

На другой стороне провода что-то бормочут. Мама несколько раз повторяет «ага». Потом начинает:

— Говорит фру Карлссон. Знаете, у меня ужасно непослушный мальчик. Да, с ним нет никакого сладу. Эльвис Карлссон зовут мальчика. Да, да. Ах вот как? В полиции его знают? Ага, вы знаете, что он непослушный мальчик, так, так...

Мама окидывает Эльвиса скорбным взглядом и вздыхает в трубку. Потом продолжает:

— Значит, у вас в полиции Эльвиса уже знают. Так, так, понятно. Но, пожалуйста, господин начальник полиции, послушайте, что было вчера. Мальчик весь день где-то пропадал. Вернулся домой поздно вечером оборванный и в грязи. И не говорит, где был. Слова из него не вытянешь. Значит, делал что-то плохое, это всякий поймёт. Но мало того. Сегодня он пытался тайком улизнуть из дома. А я, понятно, боюсь его отпустить. Как же мне теперь с ним быть? Он наверняка опять попытается сбежать. Скажите, могу я рассчитывать на помощь полиции? Ах вот как? Прекрасно! Да, да, конечно, всё это я ему передам. Знали бы вы, господин начальник полиции, как трудно с такими мальчиками, как Эльвис! Просто руки

опускаются...

Мама раз сто — не меньше — благодарит и кладёт трубку. Она смотрит на Эльвиса.

— Вот, слышал? — говорит она. — В полиции тебя уже знают. Дядя начальник полиции сразу понял, о ком я говорю. Он велел тебе передать, чтобы ты был тише воды, ниже травы. Дядя полицейский начальник сейчас сюда придёт. Он сообщил мне, что весь день будет сторожить нашу улицу. Посмей только высунуть нос за дверь, — тебя сразу схватят и увезут в полицию! Вот, я тебя предупредила! Лучше и не пробуй.

Эльвис не отвечает. Он не без интереса выслушал весь разговор. Мама не в первый раз звонит в полицию. И он давно разгадал эту хитрость.

Дядя полицейский начальник — это на самом деле какая-нибудь из телефонных подруг. Так что ничего страшного. Наверно, подруги условились звонить друг другу вот так, когда с кем-нибудь из детей совсем нет сладу. Просто у них такая игра. Мама сама однажды сыграла роль начальника полиции.

Как-то раз ей позвонила подруга, и мама во время разговора вдруг стала строить из себя сердитого дядю. А потом она смеялась и говорила Эльвису, что ей пришлось изображать сердитого полицейского, потому что сын телефонной тётеньки что-то натворил. А теперь она воображает, что Эльвис ей поверит. Как бы не так!

Хотя вообще Эльвис не показывает виду, что он всё разгадал. Очень уж мама довольна собой, когда звонит «в полицию».

То же и с папой. Да и папа такой же: сыграет роль Деда-Мороза, а потом тут же появляется и спрашивает: что, приходил к вам Дед-Мороз? Эльвису не хочется огорчать папу. Конечно, Эльвис с первого же раза понял, что это папа, а никакой не Дед-Мороз, он узнал его по голосу, но никому об этом не сказал. Пусть себе думают, что он думает, будто Дед-Мороз настоящий.

Хотя, конечно, Дед-Мороз — совсем другое дело. Тут родители хитрят из доброты. А вот насчёт полиции — это они придумали, чтобы его напугать.

Только дедушке он рассказал обо всём. Один дедушка знает, что Эльвис не верит ни в Деда-Мороза, ни в дядю начальника полиции.

У дедушки в жизни было почти то же самое. Когда дедушка был маленький, детей пугали трубочистом. Детям говорили, будто трубочист забирает непослушных детей. В те времена — особенно в деревне — полицейских было мало, зато трубочистов много.

Дедушка никогда не боялся трубочиста, но и он тоже не показывал

виду, что всё понимает. Просто он думал: детские забавы! Взрослые иногда бывают очень ребячливы, это надо понимать. Дедушка тоже думает, что нехорошо обижать людей, так что пусть уж папа носится со своим Дедом-Морозом. А вот мамин начальник полиции вроде бы ни к чему, да только маму ведь тоже жалко: пусть забавляется. Главное, чтобы сам Эльвис не верил всей этой чепухе. Не обязательно даже делать вид, будто ему очень страшно. Хватит с них того, что он не уличает их в притворстве, говорит дедушка.

Эльвис тоже так думает. Правда, всему есть предел. Не может же он подлаживаться под любую выдумку.

Он спокойно выслушал весь мамин разговор с дядей начальником полиции. Потом серьёзно посмотрел на неё, но ничего не сказал.

— Гляди, гляди! — сказала мама. — А собственно, что это ты на меня уставился?

Потом она отвела его в спальню и заперла дверь.

Эльвис к этому привык.

Когда он был маленький, он очень огорчался, когда его запирали, а теперь нет. Ко всему ведь привыкаешь. Его это не слишком беспокоит: сколько раз можно расстраиваться по одной и той же причине?

Мама опять говорит по телефону. Она жалуется, что Эльвис стал такой упрямый. Кажется, она разговаривает с бабушкой.

— Подумай только, он уже даже полиции не боится, — вздыхает она. — Что выйдет из такого мальчика?

И ещё мама говорит: боюсь, ему плохо придётся в жизни. Это она и Эльвису тоже говорила. Сколько раз! Он не любит, когда она так говорит: ведь она не только потому так говорит, что хочет его напугать. Она и в самом деле думает, что он плохо кончит. Она боится за него, огорчается. Ему жалко маму, тем более что он ничем не может ей помочь. Ведь она считает, что он послан ей в наказание за её грехи, и вообще... у него нет чёрных локонов, как у маминого кумира, и он не умеет петь. Он ничем не может её порадовать.

Дедушка говорит: вся беда в том, что мама с папой перебрались в город. Они бросили землю, на которой родились. А всё потому, что вообразили, будто жизнь в городе легче и красивее. Они думали, что в городе они чаще будут видеться с людьми, ходить по тротуарам и любоваться витринами магазинов. Они думали, что в городе больше света и вообще веселее. Но они ошиблись. Мама была куда веселее раньше, когда жила в деревне. Она весь день носилась из дома в сад и обратно, и ей некогда было скучать. Дел было по горло.



Конечно, говорит дедушка, если человек воображает, будто сидеть и болтать по телефону лучше, чем, к примеру, кормить кур... Эльвис понял: дедушка недоволен тем, что мама с папой живут в городе. Здесь, говорит он, люди становятся сварливыми и шумными. Кто бросил родные места, как мама с папой, тот потом всю жизнь каяться будет.

— Вот это и есть грех, — говорит дедушка. — А ты, Эльвис, здесь ни при чём.

Эльвис не знал, кому верить. Обычно дедушка всегда говорит правду. Но какой может быть грех в том, что люди переехали в город?

— А вот такой грех, — ответил дедушка, — когда человек не на своём месте. И когда он не находит для себя настоящего дела. Великий грех.

Но ведь папа весь день работает на бензоколонке.

А мама смотрит за домом и иногда даже печёт пироги...

И у самого Эльвиса тоже очень много разных дел в городе. Цветы, которые он сажает, здесь больше нужны, чем в деревне. Хотя, может, дедушка прав...

На даче мама не так часто твердит одно и то же. И там она никогда не боится отпустить Эльвиса погулять. Только проснёшься — и, пожалуйста, беги в сад. На даче мама не так трясётся за Эльвиса и не говорит, что он плохо кончит.

Но сам Эльвис всегда один и тот же — что в городе, что на даче. Для него нет никакой разницы. И ничуть он не плохо кончит. Он в этом уверен. Он себя знает, что бы про него ни говорили. Какой-то внутренний голос говорит ему: я знаю то, что я знаю. А они не знают. Я — это я. А они — это они. Всё. Точка. С этим связана его Тайна. И пока у него есть эта Тайна — ничего не страшно.

Только бы мама это поняла и не волновалась бы так за него. Вот и ей бы тоже завести свою Тайну...

У папы, на крайний случай, есть футбол.

А у мамы — только Сессан.

Эльвис по-прежнему сидит взаперти.

Мама позволила ему выйти, чтобы пообедать с ней на кухне, но потом снова отвела его в спальню. Сегодня мама неумолима, хотя заметно, что это её огорчает.

— Не думай, что мне это нравится, — говорит она. — Мне это так же неприятно, как и тебе, но что поделаешь? Должен же ты наконец понять, что нельзя делать всё, что взбредёт в голову. Понял?

Он рад бы понять, но не понимает.

Эльвис расхаживает между кроватями. Поперёк стены стоят большие кровати — мамина и папина. У противоположной стенки — маленькая кроватка. Между ними узкий проход. У маминой и папиной кровати — по тумбочке. Ещё в комнате есть секретер и несколько стульев.

Здесь, в спальне, заняться нечем. Игрушки лежат в ящике под кроватью, но играть неохота. Обычно Эльвис берёт их с собой на кухню. В столовую игрушки таскать нельзя, там всегда должно быть нарядно. В столовой только можно смотреть телевизор.

На стуле сидит потрепанный медвежонок. Он достался Эльвису от Юхана. Никто не знает, как его зовут. Подумать только, что Юхан никому этого не сказал. И бабушка думает, что Юхан не дал ему никакого имени... А имя, конечно, было.

Эльвис берёт медвежонка, разглядывает его. Очень хочется узнать, как его зовут. Наверно, можно догадаться по его мордочке. По носу, может быть? По ушкам? Или по глазам?...

С медвежонком в руках Эльвис подходит к окошку: здесь лучше видно. Зрачки у мишки чёрные, большие. А вокруг весёлый жёлтый ободок.

Теперь он знает! Глаза у медвежонка, как два подсолнуха. Наверно, Юхан назвал его по глазам. Хотя, конечно, «Подсолнух» — не очень подходящее имя для мишки...

Эльвис посадил медвежонка на подоконник, чтобы тот видел улицу. Потом вытащил из-под кровати ящик с игрушками. Где-то здесь должен быть кулёк с семенами подсолнуха. Он помнит, что спрятал его в ящике. На кулке был нарисован очень красивый цветок. Вот он!

Эльвис вернулся назад к окошку, где сидел медвежонок, взглянул на кулёк и вдруг обнаружил, что умеет читать. Неужели правда?

Уже не складывая по слогам, как раньше, он прочитал слово:

«Подсолнух». Буквы сами прыгали к нему в голову, прежде чем он успевал даже подумать. Первый раз в жизни с ним случилось такое чудо. За первым словом стояло другое — более трудное, но он и его разобрал:

Г-Е-Л-И-А-Н-Т-У-С.



У каждого цветка есть ещё и иностранное название, про это он слышал. Наверно, «Гелиантус» — иностранное слово. Эльвис недоверчиво покосился на медвежонка: Неужели Юхан тебя назвал Гелиантус?

Нет, что-то непохоже. Хотя вообще кого-нибудь другого вполне могли назвать и так.

Эльвис задумчиво смотрит то на кулёк с семенами, то на мишку. На кульке нарисован подсолнух. Он весь золотистый, рыжий, как ободки вокруг зрачка медвежонка. Рыжий? Понял!

«Подсолнух», «Гелиантус» — всё не то. «Рыжик» — совсем другое дело. Для медвежонка с такими глазами это великолепное имя. Эльвис несколько раз повторяет: «Рыжик, Рыжик...» Да! Всё ясно. Он угадал, как Юхан звал своего медвежонка! Хотя, конечно, он никому этого не откроет.

«Нет худа без добра», — обычно говорит бабушка. Раньше он в это не верил. А вот сейчас... как знать... Ведь если бы мама не заперла его сегодня в спальне, он бы нипочём не угадал имени медвежонка. Он готов чуть ли не сказать маме спасибо.

А что, ему здесь сейчас совсем неплохо. Радио почти не слышно. А

побыть одному, подумать — тоже ведь хорошее дело. Тогда только и придумаешь что-нибудь интересное. Эльвису обидно, что его заперли, когда на улице у него столько дел, а вообще-то ему здесь очень даже хорошо, лучше и быть не может. И с ним Рыжик, которому он вернул его имя. Медвежонок повеселел, сразу видно.

Эльвис прижался лбом к стеклу окна. Стекло прохладное, прижиматься к нему приятно.

А небо — синее.

Хотя вообще-то оно не синее, а только кажется синим. Юлия ему всё объяснила, а ей рассказал об этом Петер. Уж он-то знает такие вещи, так что это точно.

Небо просто чёрное и очень-очень большое, ему вообще нет конца. А синевы никакой нет. Это просто дымка такая над чёрным. Иногда она отливает синим, когда облака не слишком плотные. Вот оно как. Небо, оказывается, чёрное.

Эльвис сначала чуточку огорчился, когда это узнал. Потому что, выходит, вначале была ночь. И только потом — день. А должно быть наоборот. Сначала — день, когда Эльвис не спит, играет. А потом уже ночь — когда все спят.

После, правда, Эльвис подумал: может, это не так уж плохо, как ему показалось на первый взгляд. Может, даже лучше, когда ночь рассеивается, уступая место дню. Гораздо хуже, когда угасает день, превращаясь в ночь. А ведь, пожалуй, даже лучше сначала спать, а потом проснуться, играть, работать. А то играешь, работаешь, а потом вдруг — ложись спать. Дедушка с ним согласился. Но не мама. Мама не любит просыпаться. Маме больше нравится спать.

Так что, может, и нет ничего плохого в том, что небо чёрное. Только чудно немножко: Эльвис подышал на окно и на запотевшем стекле начертил кружок.

Вдруг кто-то остановился под окном и помахал ему.

Петер!

Петер, которого он так долго искал, стоял там, внизу. Под его окном!

Петер знаком показал Эльвису, чтобы он открыл окно.

Эльвис взобрался на стул и начал возиться с задвижками. Он так торопился, что никак не мог их открыть. Наконец он распахнул окно.

— Привет! — сказал Петер.

— Привет!

Эльвис сообразил, что разговаривает с Петером первый раз в жизни.

Но тут же он позабыл обо всём на свете. Петер протянул к нему обе

руки и скомандовал:

— Прыгай!

Он хотел, чтобы Эльвис спрыгнул с окна. А он, Петер, его поймает.

От окна до земли не так уж и высоко. Всего несколько метров.

Эльвис залез на подоконник, взял медвежонка Рыжика, и вдвоём они соскочили с окна прямо в объятия к Петеру.

— А знаешь, сегодня меня не пускают гулять, — сказал Эльвис.

Обычно он сразу же убегал из дома, как только было можно, но сейчас почему-то не хотелось. Зачем убегать?

— Давай пойдём к твоей маме и спросим, — сказал Петер.

Мама очень удивилась, когда открыла дверь, а там стояли Эльвис и Петер.

— Это ещё что! — воскликнула она. — Неужели мальчишка всё-таки сбежал? Как это ему удалось?

— А я его поймал, — ответил Петер, будто иначе и быть не могло.

Но мама-то знала, что все двери были закрыты. И она ничего не понимала. Эльвис начал ей объяснять.

— Сначала я выпрыгнул в окно, — сказал он.

— Нет, — сказал Петер. — Сначала я сказал Эльвису, чтобы он выпрыгнул в окно. И он прыгнул.

— Да, правда. Потом я прыгнул, — подтвердил Эльвис.

— А я его поймал, — сказал Петер.

— Да, он меня поймал, — подтвердил Эльвис. Тут мама наконец поняла.

— Значит, ты улизнул через окно? — спросила она.

Эльвис замотал головой.

— Я не улизнул, — твёрдо произнёс он. — Я просто прыгнул.

— Эльвис не хотел улизнуть, — сказал Петер. — Мы пришли спросить у вас разрешения.

— Да, мы пришли спросить у тебя разрешения, — как эхо повторил Эльвис.

— Да... Но я не понимаю... — Мама смотрела то на Эльвиса, то на Петера. Может, малыш снова обвёл её вокруг пальца?

— Мы хотели бы немного прогуляться вдвоём, — сказал Петер.

— Да, хотели бы, — сказал Эльвис.

— И немного поговорить, — продолжал Петер.

— Потому что мы ещё ни разу не говорили друг с другом, — пояснил Эльвис.

— Значит, вы не знакомы? — насторожённо спросила мама.

— Что вы, — ответил Петер, — мы с Эльвисом старые знакомые!

— Да, старые знакомые, — снова как эхо откликнулся Эльвис.

— Но вы же ни разу не говорили друг с другом?

Мама смотрела на них и ровным счётом ничего не понимала.

— Это не имеет значения, — сказал Петер.

— Не имеет, — подтвердил Эльвис.

— Но какие же вы знакомые, если вы ни разу не говорили друг с другом? — резко произнесла мама.

— И всё же мы знакомые, — сказал Петер и взял Эльвиса за руку. — Так тоже бывает.

Мама удивлённо взглянула на него. Может, он смеётся над ней? И вообще всё это похоже на какой-то заговор... Мама взглянула на Эльвиса. И вдруг у неё вылетело из головы всё, что она собиралась сказать. Раньше она не замечала, что у него такие глаза. Синие-синие. А она-то думала, серые. Но они синие. И он такой послушный. Никогда она не думала, что её мальчик послушный. Никогда она не думала, что её мальчик может быть таким. Просто совсем послушный...

Да, конечно, она разрешит Эльвису прогуляться с Петером, конечно. Пожалуйста. Отчего же нет?

Они ушли. Мама застыла на пороге, держась за дверную ручку, и смотрела им вслед. Потом она вошла в комнату, раскрыла окно и продолжала смотреть на них. Они как раз шли мимо и помахали ей. А она долго ещё стояла и смотрела им вслед, пока совсем не потеряла их из виду.

Тогда она вернулась в прихожую и села у телефона. Сняла трубку, но тут же опять положила. А вообще-то ей сейчас необходимо было с кем-нибудь поговорить...

Мама ещё раз сняла трубку, но так и замерла с ней на коленях. А трубка всё гудела, гудела... Но мама сидела не шевелясь... Конечно, ей надо бы поделиться с кем-нибудь, но что она может сказать? Подумать только, какие синие глаза у малыша!..

Петер с Эльвисом погуляли немного, потом Эльвис спросил: Ты сказал маме, что мы с тобой знакомы. Правда, ты так сказал?

— А разве мы не знакомы? Может, ты считаешь, что я наврал?

— Не-ее...

— Ты просто вспомнил, что мы ни разу не говорили друг с другом?

Эльвис кивнул. Он вспомнил, что сказала мама: знакомый — это тот, с кем ты хоть раз в жизни поговорил. Сам он раньше тоже так рассуждал, но, наверно, это неправильно. Вот они гуляют сейчас вдвоём, и Эльвис чувствует себя с Петером вроде как с дедушкой, словно он знает его так же хорошо. Они то болтают о чём-нибудь, то молчат. Как придётся. А когда нечего сказать, оба молчат, и всё равно никому не скучно. С дедушкой и Петером Эльвис не чувствует себя одиноким, даже когда они молчат. А не то вдруг переглянешься и рассмеёшься. С дедушкой и Петером весело.

Петер сказал:

— Видишь ли, я считаю, что мы знакомы. Мы ведь с тобой часто встречались у дома Юлии. Сколько раз ты туда приходил.

— Да...

— А я как увижу тебя, всякий раз думаю: придёт день мы с Эльвисом разговоримся. А пока надо познакомиться поближе, чтобы знать, о чём нам разговаривать.

— Теперь ты знаешь? — спросил Эльвис. Петер молча улыбнулся.

— Посмотрим, — сказал он. А не то подождём ещё немножко.

— Я не хочу ждать! — с пылом возразил Эльвис.

Он взял Петера за руку — так он всегда гулял с дедушкой — и потянул его за собой. Они свернули за угол.

— Пойдём! Я должен кое-что тебе показать. Пойдём по этой улице!

Петер пошёл за ним. По пути им то и дело встречались дети. «Привет!» — кричал Петер то одному, то другому. Но Эльвис ни с кем не здоровался. Он же не знаком с этими детьми. Хотя и видел их много раз.

Мама говорит, что он не умеет общаться с детьми. Поэтому никто не хочет с ним водиться. Так она говорит. Сначала он не поверил ей, но после того раза, когда мальчишки били его ранцами, он понял, что мама права.

Хотя, наверно, не он один виноват. Дети тоже не умеют общаться с ним. А раз так, лучше и не пробовать.

— Как это у тебя получилось? — вдруг спросил Петер. Эльвис

обернулся к нему. О чём он? Неужели он понял, о чём думает Эльвис? Или, может, Эльвис вслух произнёс свои мысли? Петер вдруг остановился посреди улицы.

— Как получилось, что ты не знаком с этими ребятами? — спросил он.

Эльвис пожал плечами. Серьёзный вопрос, да только как на него ответить?...

— Вот ты, к примеру, как ты держишься с ними при встрече?

— Отвожу глаза, — ответил Эльвис.

— А сами они что, на тебя тоже не смотрят?

Эльвис опять пожал плечами и ответил: если и смотрят, то больше на куртку и брюки. Петер опустил руку на его плечо, и они зашагали дальше. Сначала они шли молча, потом Петер спросил:

— А что бы ты сделал, если бы и в самом деле захотел познакомиться с кем-нибудь из них?

Эльвис ответил, что он вовсе не хочет знакомиться, потому что из этого всё равно ничего не выйдет.

— А вдруг? — не отступал Петер.

— Ну, если бы захотел, — сказал Эльвис, — он взглянул бы человеку прямо в глаза, как, например, взглянул в глаза Петеру. Но с детьми это всё без толку, объяснил он, они даже не оглянутся в ответ.

— Почему не оглянутся? — спросил Петер.

— Наверно, им просто неохота, — ответил Эльвис и опять пожал плечами, будто его ничуть не трогало, что дети не хотят с ним знакомиться.

— Почему, «неохота»?

Хорошо, что Петер не переставал спрашивать. Хоть Эльвиса ничуть не трогает, что дети не хотят с ним знакомиться, а всё же поговорить об этом с Петером интересно. Сказать по правде, Эльвис побаивается детей, совсем чуточку, но всё же побаивается, и хорошо бы отделаться от этого страха.

— Ты-то сам как думаешь? — спросил Петер. — Почему им неохота?

— У них без меня много друзей... — тихо ответил Эльвис. — Просто я им не нужен.

— Не нужен? — переспросил Петер. В голосе его слышалось недоумение. Пришлось ему объяснить.

— Одиночки никому не нужны, — сказал Эльвис. Но Петер по-прежнему недоумевал. Эльвис очень даже ошибается, сказал он.

— Одиночки тоже нужны, может, даже больше других. Эльвис покачал головой. Он знал, о чём говорит. А вот Петер, наоборот, сейчас делает то же самое, что и дедушка: слушается своего доброго сердца, а призадуматься не хочет. Ведь если бы одиночки и правда были нужны, тогда они не были

бы одиночками. Это каждый дурак поймёт. А я не дурак, — сказал Петер. — И ты всё равно неправ. Потом он сказал, что должен ещё поразмыслить, прежде чем ещё что-нибудь скажет, ведь это вопрос серьёзный. Эльвис согласен. Он подождёт. Чуть погодя Петер спросил Эльвиса:

— А что, разве тебе не приятно иногда побыть одному? Вот я, к примеру, — добавил Петер, — люблю иногда побыть один.

Эльвис кивнул. Конечно, он тоже иногда любит побыть один. То есть...

— Побыть одному иногда неплохо, — сказал он, — а быть одиноким — плохо.

В этом вся разница. Петер понял, что хотел сказать Эльвис. Побыть одному иногда неплохо, только не слишком долго, а не то тебя возьмёт тоска. Когда никто не хочет с тобой водиться, то под конец ты и сам перестаёшь себя выносить. Как же может быть иначе? Пока что всё идёт хорошо: Эльвис ещё не надоел сам себе. Но всё равно он был бы рад найти друга: для него он стал бы больше стараться, чем для себя одного. Когда ты один, иной раз кажется, что не так уж и важно стараться. А что же всё-таки имел в виду Петер, когда говорил, будто одиночки нужны?...

— Они лучше понимают, что такое одиночество, — ответил Петер. — Они знают, каково это...

— Зато другие знают, как надо общаться, — сказал Эльвис.

Но Петер сказал:

— Может, знают, а может, нет. Они привыкли, что у них всегда кто-то есть. Поэтому они не всегда дорожат людьми, а вот тот, кто знает, каково быть одиноким, тот дорожит. А это самое главное — дорожить друг другом.

Больше Эльвис уже ни о чём не спрашивал. Может, Петер и прав. А может, прав сам Эльвис, когда говорит, что, наверно, он не очень-то нужен другим. Посмотрим. Пока что лучше придерживаться того, что знаешь наверняка. В землю надо бросать семена: хорошо, когда всюду растут цветы — уж с этим вряд ли кто станет спорить.

— А где Юлия? — спросил Эльвис.

— Юлии сейчас здесь нет, — ответил Петер. — Её мама взяла отпуск, и они уехали в деревню.

Петер тоже был в отпуске. Но он жил всего в нескольких километрах от города. Далеко он уезжать не может из-за Совушки. Она не выносит долгих путешествий. Вообще-то, Совушка сама отлично может о себе позаботиться. Но Петер всё равно не хочет от неё уезжать, потому что, куда

бы он ни поехал, она как верный друг прилетает к нему каждый день, чтобы его проведать. Сейчас вот Совушка как раз дома у Петера — спит.

— А куда ты меня ведёшь? — спросил Петер.

— Мы идём к дому Юлии, — ответил Эльвис, — нам обязательно надо туда сходить.

Петер не был там с тех пор, как Юлия переехала в другое место. Но из слов Эльвиса он понял, что с домом что-то неладно. — Неужели его снесли? — испуганно спросил Петер. Эльвис рассказал ему всё. Про то, что сад завален обломками машин и хламом. Про то, что дом почти совсем разорён. И про то, как он пытался там хоть немножко прибраться, но его побили бандиты, те, что теперь захватили и дом и сад. А они только дерутся, и орут, и всё ломают. Туда даже страшно ходить.

— А подсолнух как? — хмуро спросил Петер. — Цел подсолнух?

Эльвис успокоил его. Пока что всё хорошо. Бандиты его не заметили. Но что будет дальше? Подсолнух уже совсем большой, и на нём появился бутон.



— Мы наведём там порядок раньше, чем расцветёт твой подсолнух! — решительно заявил Петер. Он посадил Эльвиса к себе на плечи и большими шагами двинулся вперёд.

Петер негодовал. Какое свинство, что никто не смотрел за домом. Может, кое-кому даже на руку, чтобы дом разорили: тогда его можно будет снести. Счастье ещё, что Юлия об этом не знает. Она бы очень огорчилась. Дом надо привести в порядок до её приезда.

— Уж я им всем покажу! — свирепо сказал Петер.

Но Эльвис предостерёг его:

— Бандиты очень злые. Они могут тебя побить!

Но Петер их не боялся.

— Им же будет хуже. Я им покажу! Они ещё пожалеют о том, что наделали, — говорил он.

Дальше Петер шёл молча. Шаги его делались всё шире по мере того, как он приближался к дому. У ворот он спустил Эльвиса на землю. Они всё так же молча вошли в сад и обошли вокруг дома. Картина была ужасная. Одно утешение: подсолнух цел.

— Хорошо, что ты его здесь посадил, — сказал Петер. — Пока стоит подсолнух, ещё есть надежда!

— Я тоже так думаю, — сказал Эльвис. — Вон, гляди, бутон!

Дома все очень интересуются Петером. Особенно мама. Расспрашивает Эльвиса о нём и пытается понять, что он за человек. Маму удивляет, как это получилось, что Эльвис с ним познакомился, и вообще...

— Да, мы знакомы, — отвечает Эльвис.

— Знаю. Но каким образом вы познакомились? — спрашивает мама.

— Просто мы подружились, — отвечает Эльвис. Мама нетерпеливо глядит на него.

— Какой он тебе друг? Он же намного старше тебя. Да пойми ты: так не бывает.

— Уж если на то пошло, дедушка ещё старше, — спокойно возражает Эльвис. Мама в растерянности:

— Чепуха какая-то. При чём тут дедушка?

— С ним мы тоже друзья, — отвечает Эльвис.

— Смех, да и только, — говорит мама, хотя она, кажется, всего лишь только фыркнула. — Дедушка... — начинает она.

Значит, она фыркнула потому, что разговор зашёл о дедушке.

Эльвис серьёзно, почти строго глядит на неё. Сегодня он говорит с ней спокойным, уверенным тоном — откуда только он у него берётся? — и это всегда немножко её смущает.

И этот взгляд. Она не понимает, куда он клонит.

— А ты, мама? Ты разве мне не друг? Или папа? не унимается Эльвис.

Мама садится на кухонный диван.

— Но послушай, детка. Мы же — твои родители. Ведь мы твои мама и папа! А ты наш сын! У нас семья, — объясняет мама.

Она будто вбивает эти слова в голову Эльвису.

Должен же он понять: семья — это совсем особая вещь. Самая главная.

Эльвис втянул голову в плечи. Руки засунул в карманы штанов. Он похож на упрямого бычка, думает мама, — в детстве она часто видела таких, — на бычка, который хочет бодаться. Он глядит на неё исподлобья, из-под чёлки.

— Семья — это ещё не значит друзья, — говорит он. — А дедушка — друг.

— Милый ты мой... Что ты глупости болтаешь?... Ну конечно, мы все друзья. Только мы не просто друзья. Мы твои родители. А это ещё важней,

ещё лучше. Понимаешь?

Но Эльвис качает головой.

— Лучше друга никто не может быть, — говорит он. И всё тем же уверенным тоном.

Мама вздыхает.

Да пойми же ты, наконец, — говорит она, — я не хочу, чтобы ты заблуждался на этот счёт. Со стороны Петера, конечно, очень мило, что он с тобой возится. Наверно, Петер очень любит детей. А может, ему просто жалко тебя, потому что тебе не с кем играть. Но зачем придумывать то, чего нет? Не может человек, который настолько старше, считать тебя своим другом! Должен же ты это понять... А что касается дедушки, то он и правда всегда был слегка чудаковат и ребячлив: его не стоит принимать всерьёз.

Эльвис выслушал её, но отвечать ничего не стал. Что он знает, то знает.

Сначала мамины слова его не задели: ни то, что она сказала про Петера, ни про дедушку. Вот только он обиделся за дедушку. И нехорошо, что он не сумел защитить дедушку от мамы.

Эльвис в таких случаях никогда не находит нужных слов, потому он молчит. Но это вовсе не значит, что он может вытерпеть, когда плохо говорят о дедушке. Как раз наоборот. Ему очень больно. Но что бы кто ни сказал, он дедушку всё равно будет любить. Он знает, какой дедушка.

И какой Петер тоже... Он пытался забыть то, что сказала мама. Но колючка в душе осталась. Противная маленькая колючка — она нет-нет да кольнёт его, сколько бы он ни крепился.

Не знает он Петера, что ли?...

Хотя... Петер на каждом шагу здоровается с кем-нибудь из детей: то с мальчиком, то с девочкой...

А вдруг он и в самом деле водится с Эльвисом только потому, что вообще любит детей, а не потому, что ему с ним весело?

Мама вовсе не хотела обидеть Эльвиса, когда сказала, что Петер, наверно, просто любит детей. Обычное дело, и Эльвис должен это понять. А он всё равно не понимает.

Он не хочет, чтобы его любили только за то, что он маленький. Он хочет, чтобы его просто любили.

Значит ли это «придумывать то, чего нет»?

Мама, видно, так считает. А вот хотели бы они с папой, чтобы Эльвис уважал их только за то, что они взрослые и к тому же его родители?

А что, пожалуй, хотели бы...

Если так, то дело плохо. Эльвису это не нравится.

Он никак не мог забыть мамины слова. А она ещё повторяла всё это по телефону. Она столько раз рассказывала подругам про Петера, который «так горячо любит детей», что под конец Эльвис уже не представлял себе его иначе, как в толпе крикливых мальчишек. И у всех — школьные сумки... На другой день, когда Петер зашёл за Эльвисом, его не было дома.

— Куда это он подевался? Только что был здесь, — удивилась мама.

— Может, он на улице? — спросил Петер.

— Наверно, — ответила мама. — Я не заметила, когда он вышел. И у меня приёмник включён. Может, поэтому я не слышала его шагов.

— Эльвис знает, что я должен прийти, — сказал Петер. — Скорее всего, он пошёл мне навстречу... Может, мы с ним разминулись.

Петер вышел на улицу и стал искать Эльвиса. Мама открыла окно и спросила:

— Ну как, нашли?

— Нет, — отвечал Петер. — Нигде его нет. Он не показывается.

— Странный мальчик! — говорит мама. Она, видно, очень недовольна.

— Ничего! Я думаю, он вот-вот появится, — успокаивает её Петер.

Но мама сердится не на шутку.

— Вот всегда он такой! — говорит она. — Он и с нами так ведёт себя! На него совсем нельзя положиться!

— Что вы! — говорит Петер. — Уж на кого-кого, а на Эльвиса положиться можно! Наверно, что-нибудь случилось. Я узнаю, в чём дело. Я его найду.

И Петер ушёл искать Эльвиса. А мама ещё постояла у окна и позвала раз-другой: «Эльвис!.. Эльвис!..», да так громко, что эхо разнеслось по всей улице. Потом она закрыла окно и ушла на кухню.

Тут Эльвис вылез из-под кровати. Он всё это время был дома. И слышал весь разговор. Он ведь спрятался в спальне под маминой кроватью и только ждал, когда Петер уйдёт.

Теперь он жалел, что спрятался. Дурак он, что полез под кровать. Дурак, да и только. Что это на него вдруг нашло?

Он ведь знал, что Петер зайдёт за ним, ждал его и радовался.

Но когда тот позвонил в дверь, Эльвис ни с того ни с сего нырнул под кровать. Даже не успел подумать. Он вовсе не собирался прятаться. Просто почему-то так вышло. Он сам не знает почему. Будто в голове вдруг сделалось короткое замыкание. В другой раз он условится встретиться с Петером на улице, чтобы меньше разговоров было на этот счёт с мамой.

Петер сказал: «Уж на кого-кого, а на Эльвиса можно положиться!» Он

это сам слышал. А Петер не из тех, кто готов положиться на первого встречного. Но что он теперь подумает? Что Эльвис может просто так обмануть человека, с которым договорился о встрече? Надо сейчас же разыскать Петера.

Эльвису повезло: мама не заметила, как он вышел из дома. Но Петера уже не было. Знать бы только, куда он пошёл.

Мама снова отворила окно и начала звать Эльвиса. Он быстро юркнул в какой-то подъезд и стал ждать. Когда мама перестала его звать, он выбежал на улицу и дворами прошёл туда, где жил Петер. Он знал, с какой стороны приходил Петер, но не знал, в каком доме он жил.

Скоро он и в самом деле увидел Петера. Тот ехал на велосипеде и ничуть не удивился, что Эльвис ждёт его здесь, а не у себя дома. Он только спросил, не хочет ли Эльвис прокатиться.

Потом он приподнял Эльвиса и посадил его на раму у самого руля, и они покатали по улицам.

— Давай-ка проедем мимо твоего дома, — вдруг сказал Петер. — Покажемся маме, чтобы она не волновалась.

Может, так и вправду будет лучше. Мама ведь опять начала звать Эльвиса — её слышно чуть ли не во всём городе. Эльвису всегда неловко, когда она так кричит. Обычно он притворяется, будто ничего не слышит, будто это вовсе не его зовут. Но сам-то он знает, что это мама.

Петер изо всех сил нажимал на педали, и скоро они подъехали к маминому окну. Тут Петер остановился.

— Мы хотим съездить за город. Вернёмся через несколько часов, — сказал он маме.

Мама принялась благодарить Петера за то, что он так любезен и готов возиться с Эльвисом. Она всё благодарила и благодарила.

Эльвис понурил голову и опять стал похож на упрямого бычка. Послушать маму — он какой-то дурачок, и Петер берёт его с собой из жалости. Будто дружить с Эльвисом — сущее наказание для человека. Но на Петера все эти слова не произвели ни малейшего впечатления.

— У нас с Эльвисом есть тут одно дело, — сказал он, и они покатали дальше.

Сначала они поехали к Петеру домой, чтобы застись бутербродами. Петер нарезал хлеб, а Эльвис намазывал на ломти масло и накрывал их кружочками колбасы.

— Кажется, я немножко напачкал, — сказал Эльвис и подумал: что сказала бы мама, если бы могла его сейчас видеть?

— Да? — равнодушно отозвался Петер. — Напачкал так напачкал.

Главное, чтобы получились вкусные бутерброды. А они получились...

Потом Петер налил в термос горячего какао.

— Готово, — сказал он. — Я только прихвачу с собой книгу... Хочу там немножко почитать, если ты не возражаешь.

— Я тоже хочу что-нибудь почитать, — сказал Эльвис.

— Поройся в моих книгах, может, найдёшь что-нибудь. Эльвис нашёл книжку, в которой было нарисовано много цветов. Может, из неё он узнает, как называются все растения. Под каждой картинкой — название цветка.

— Можно, я возьму вот эту книжку? — спросил он.

— Конечно. Ну как, готов?

Они снова сели на велосипед и поехали. Бутерброды и книжку положили в багажную сетку.

Эльвис сидел на раме. Он уже начал к этому привыкать. Так кататься куда приятней, чем ездить в машине. Когда он вырастет, он не станет покупать себе машину, а купит велосипед — это точно.

Отъехав от города подальше, они расположились у лесной опушки. Сначала съели свои бутерброды, а потом стали читать. Петер читал книжку про камни, а Эльвис разбирал по слогам названия цветков. Иногда они показывали друг-другу картинки, и Эльвис заодно узнал, как называются многие камни.

— Подумать только, что у камней тоже есть имена, — сказал он.

— А почему бы и нет? — отозвался Петер.

Конечно. Камни так же важны, как и всё прочее. Эльвис понимает. Хотя прежде он толком не знал, для чего вообще нужны камни, особенно намогильные. Эльвис рассказал Петеру про кладбище. Про намогильные камни, на которых написано: «Юхан». И нигде ни одного «Эльвиса». Даже не знаешь, что думать, когда видишь такое.

— Да, — сказал Петер. — Хотя вовсе не обязательно ставить на могилах камни, — добавил он.

Всё же Эльвису хотелось бы, чтобы на его могиле поставили камень, только совсем маленький, не больше птичьего яйца.

— А, — сказал Петер, — на такой камень и я согласен, а уж больше не надо.

Потом Эльвис немножко побегал: он собирал камни и приносил их Петеру, и тот говорил ему, как они называются. Сам Петер в это время рвал цветы, а названия цветов Эльвис хорошо знал сам.

Но когда Петер стал учить Эльвиса, как определить, к какому роду и семейству принадлежат цветы, Эльвис нахмурился.

— Разве у цветов есть семейства? — недовольно переспросил он.

— Да, конечно. Чего ты? Так ведь легче в них разбираться. Эльвис помрачнел.

— Значит, им тоже ничего нельзя, — сказал он. А потом спросил: — А что, у камней тоже есть семейства?

— В некотором роде есть, — ответил Петер. — Но ты-то чем недоволен? Так гораздо лучше видно, что всё на свете между собой связано.



— А если люди — не из одного семейства, тогда они, значит, чужие? — спросил Эльвис, беспокойно косясь на Петера.

— Нет, совсем не чужие, — ответил Петер. — Ты как-то чересчур серьёзно отнёсся к тому, что я сказал. А ведь это просто удобный способ определять растения.

— Нет, неудобный, — буркнул Эльвис.

— Хорошо. Не будем говорить о семействах. Это не имеет значения, ведь так или иначе на свете всё связано, — рассмеялся Петер.

Но Эльвис угрюмо покачал головой.

— Так как же насчёт цветов? — спросил он.

— Не беспокойся! Цветы не знают, что у них есть семейства, — ответил Петер.

Эльвис повеселел.

— Правда? — сказал он и слегка улыбнулся. — Когда не знаешь, тогда, наверно, это не так уж страшно... — Потом он опять нахмурился. — А ты, говорят, любишь детей? — спросил он Петера.

Тут Петер тоже нахмурился.

— А ты, — спросил он в ответ, — любишь взрослых?

Тут вдруг оба расхохотались: ну и дурацкие же вопросы!..

Эльвис попал в трудное положение.

Вчера вечером Петер, прихватив свой спальный мешок, перебрался в дом Юлии, чтобы его сторожить. Он хотел взять с собой Совушку, но Эльвису запретил туда приходить до тех пор, пока не наведёт там порядок. Петер боится, как бы с Эльвисом не стряслось что-нибудь, если начнётся драка.

Значит, может страстись всё что угодно. Кто-кто, а Эльвис это знает... И он очень боится за Петера — как он там будет один? Нельзя, конечно, поступать назло Петеру, но не бросать же его на произвол судьбы! Надо помочь Петеру. Но как? Эльвис думает, думает...

Под конец он, кажется, придумал. Вот только одобрит ли это Петер? Хорошо бы сначала обсудить всё с ним. Но для того, чтобы увидеть Петера, надо пойти в дом Юлии, а это он Эльвису запретил.

Хотя... Не обязательно ведь подходить к самому дому. Можно остановиться неподалёку и подождать: может, Петер выйдет в сад. Тогда Эльвис окликнет его. И они обсудят его затею.

На дворе тепло, хорошо. Мама сказала, что надвигается гроза. Она всегда чувствует это, потому что у неё в такие дни болит голова, и сначала она не хотела отпускать Эльвиса. Мама очень боится грозы. Но потом она всё же отпустила его — наверно, подумала, что он должен ветреться с Петером. Гораздо легче стало жить с тех пор, как появился Петер.

Мама говорит, что Петер «обаятельный молодой человек», «просто золото». Это она по телефону говорила подругам. И ещё она сказала, что он «благородный молодой человек». И «очень любит детей». Мама говорит о Петере почти так же, как о том, другом Эльвисе, который висит на стене в столовой и хорошо поёт. Такой у мамы делается ласковый голос.

Но Петер ведь не умеет петь. Хотя вообще-то они с Эльвисом поют, когда им охота. Поют, когда мчатся на велосипеде, но только не такие песни, которые все люди давно знают наизусть, а что-нибудь своё — слова они сами выдумывают на ходу, и от этого ещё больше хочется смеяться...

Эльвис пошёл к дому Юлии. Ещё издали он увидел у ворот машины и мотоциклы. Значит, бандиты сейчас там. И Петер там один против всех.

Позабыв осторожность, Эльвис бросился к дому Юлии. Он уже был совсем близко, когда до него донеслась громкая перебранка.

Эльвис остановился. Какой смысл врывать в сад в самый разгар

ссоры? Глядишь, опять поколотят! Так Петеру не поможешь. Сначала надо узнать, что там происходит.

Эльвис незаметно обошёл дом и встал у забора с другой стороны. Забор высокий, перелезть через него нельзя. Но перелезть и не нужно: забор теперь сломан. Кто-то свалил его, наехав машиной. Какой-нибудь из тех старых разбитых колываг, что сейчас стоят и ржавеют в саду. Раньше за забором росли овощи, замечательные овощи, а теперь там одна крапива и сорняки. Только высокие стебли ревеня остались на прежнем месте.

Эльвис прокрался к дыре в заборе и остановился за ней. Отсюда ему было всё видно и слышно, а его не видел никто. Листья ревеня скрыли его целиком.

В саду была уйма народу. Какие-то подростки столпились на площадке перед домом. Это те самые бандиты: он всех их узнал. У него сердце сжалось от страха, когда он их увидел. Те трое, от которых он убежал тогда, тоже здесь. И парень с машиной, тот самый, что хотел расправиться с Эльвисом. Но парень этот сейчас молча курил, только в глазах у него была насмешка и злоба.



Никто пока ничего плохого не делал. Бандиты стояли выпучив глаза и только изредка раскрывали рот, чтобы выругаться. Все они смотрели в окно второго этажа. Оттуда доносился чей-то громкий голос, который распекал их всюю. Да, сейчас шумел только кто-то один. Теперь Эльвис отчётливо

это слышал. И был ошарашен, когда вдруг понял, кто это так шумит.

Неужели Петер?

Он стоял у разбитого окна на втором этаже и кричал на бандитов во всё горло. Он был вне себя от ярости. То и дело он выбрасывал из окна какой-нибудь хлам. Эльвис видел его только сбоку, когда Петер высовывал голову в окошко.

— Что у вас там в черепных коробках? — кричал он. — Вы что, совсем ума лишились? Дом этот — лучше не найдёшь! Вы же сами помогли нам его спасти, чтобы его не снесли! Забыли, что ли?

С площадки донёсся ропот. Парень — тот, что с машиной, — отшвырнул в сторону сигарету и заорал:

— Врёшь! Я и не думал спасти эту старую хибару! Нужна она мне, как же! Нашёл дурака!

— Вот как! — спокойно ответил Петер. — Ну и убирайся отсюда! Нечего тебе здесь делать!..

Петер на миг умолк. Затем крикнул:

— Если здесь ещё есть такие, пусть объявятся!

Но все молчали. Снова послышался глухой ропот. Только не поймёшь, на кого они теперь злились — на Петера или на парня с машиной.

— А вот мы сражались за этот дом! — продолжал Петер. — И я думал, что и дальше так будет. Мы ведь хотели привести его в порядок, приходиться сюда отдыхать и веселиться. Так или нет? А вы что делаете? Всё испортили, переломали, а в саду устроили свалку. После этого, конечно, снесут дом — скажут, беречь тут нечего! Значит, теперь вы заодно с теми, кто давно хотел сровнять дом с землёй? Понятно! Вы предатели! Всё полетит к чертям, если люди, от которых ждёшь помощи, будут поступать, как вы! И всё только от лени! От глупости! Или как ещё это назвать?

Сначала Петер говорил не очень сердито — скорее печально, но потом он опять разгорячился. Бандиты наперебой бранились, что-то кричали Петеру, но его голос всё перекрывал. Он один дело говорил. Остальные только отругивались.

Вдруг кто-то бросил в Петера камнем. Эльвис не видел, кто это сделал, — может, тот парень с машиной.

Камень влетел в окно, но в Петера не попал; было слышно, как он упал на пол.

— Подлецы! — крикнул Петер. — Вы трусы и подлецы! Камней больше не кидали. Зато Петер выбросил из окна старый рваный сапог. За ним полетела подушка, и вокруг неё тучей разнеслась пыль. Затем из окна градом посыпались битые пластмассовые тарелки и грампластинки.

пластинки.

— Всё! Я начал расчищать хлам! — заявил Петер.

Бандиты угрюмо толпились на лужайке. Они перешёптывались между собой. Может, сговариваются? А Петер один против всех! Надо что-то придумать! Эльвис больше не мог так вот стоять без дела.

Надо бы подойти поближе — послушать, о чём они шепчутся. А потом пробраться в дом со стороны кухни и рассказать Петеру, что против него замышляют. И помочь ему выбросить весь хлам в окно. Ругаться Эльвис не мастер, но выбрасывать хлам — это пожалуйста. Хоть какая-то польза от него будет...

Прячась за кустиками ревеня, Эльвис начал красться к дому. Хорошо, что никто не глядел в его сторону: уж очень сильно раскачивался ремень. Теперь надо бы добраться до разбитой машины, которая стоит ближе всех. Эльвис переждал, пока затихли листья ревеня, потом опять стал красться.

Но на его пути, скрытая высокой травой, валялась доска. Он не заметил её, споткнулся и упал. Ударившись о валяющуюся рядом железку, он остался лежать в траве, растянувшись во весь рост и не смея поднять головы. А по гравию уже скрипели шаги.

Эльвис вскочил, кинулся к разбитой машине, нырнул в кабину и, спрятавшись за потёртым сиденьем, сжался в комок, а сам уже понимал, что надежды почти нет...

Раздался торжествующий крик. Чья-то рука схватила Эльвиса и одним рывком вытащила из машины. Это был один из бандитов, долговязый и крепкий парень. Он поволок Эльвиса к лужайке, где стояли все остальные.

Эльвис отбивался, но долговязый поднял его и сильно встряхнул. Остальные мальчишки что-то орали наперебой. А как они завопили, когда увидели Эльвиса!

— Вот он, тот самый лазутчик! — крикнул кто-то. Это был один из подростков, от которых Эльвис сбежал.

— Ах, так это ты! — процедил сквозь зубы парень с машиной и не спеша двинулся к Эльвису. Вид у него был грозный. — А ну-ка, давай сюда мальчишку! — приказал он.

— Но Эльвис уцепился за долговязого. Этот вроде не такой злобный. Ему было очень стыдно, он сам не знал отчего, он даже не смел обернуться к окну, в котором стоял Петер. Так стыдно ему было, что для страха почти не оставалось места.

— Эй! Гоп! — крикнул долговязый, раскачивая Эльвиса в воздухе. Но в тот самый миг, когда к нему шагнул парень с машиной, он перебросил Эльвиса прямо в круг, где стояли другие.

Лес рук принял Эльвиса. Парни и девчонки закричали «ура» и стали перекидываться Эльвисом, как мячиком.

Долговязый и парень с машиной начали драться.

А Петера не слышно и не видно было.

И вдруг что-то как БАХНЕТ!

На лужайку у самых ног бандитов грохнулось железное ведро с пустыми бутылками из-под пива.

Грохот был громче, чем от взрыва.

Потом всё стихло.

Кажется, бандиты испугались. Растерялись по крайней мере. Два больших парня держали Эльвиса в воздухе, как куклу. Сейчас от него не очень-то много проку!

— Отпустите мальчонку! — прогремел Петер.

Парни тут же разжали руки, и Эльвис соскользнул на землю, да так и остался сидеть.

— Встань! — крикнул Петер. Непонятно, сердится он или нет.

Эльвис встал. Голова кружилась, ноги дрожали. Он стоял, не зная, куда ему теперь деваться. Петер из окна указал на него рукой.

— Этого мальчонку не смейте трогать! — объявил он. — У него больше ума, чем у вас всех вместе. Он как мог прибирал тут за вами и старался навести порядок, а вы только всё ломали и портили. А ну, расступитесь и пропустите его! Живо, говорю вам!

Парни, обступившие Эльвиса, попятились назад, и вокруг него стало пусто. Все молчали. Только тот самый парень с машиной вышел вперёд и злобно крикнул Петеру:

— Не лезь в чужие дела! Этим сопляком я сам займусь! Нахальный сопляк, да ещё болтун! Уж я знаю, как поступать с такими.

И он шагнул к Эльвису, который застыл на месте, будто врос в землю. Казалось, жёсткий взгляд парня отнял у него все силы. Вдруг две девчонки и какой-то мальчишка вырвались вперёд и загородили Эльвиса.

— С дороги! — крикнул им парень.

Но они его не послушались. Неожиданно к нему подскочили два высоких подростка и схватили его за руки. Он пытался вырваться, но тщетно. Они держали его очень крепко. Он ругался, отбивался, что-то приказывал, но его не слушали.

— Надоел ты нам! Тоже командир нашёлся! — неслось ему в ответ.

Снова разгорелась перебранка.

Только Петер уже ни во что не вмешивался. Он молча стоял у окна. Эльвис робко покосился на него. И Петер взглянул на Эльвиса.

— Ступай домой! — сказал он. И больше ничего.

Эльвис засунул руки в карманы и зашагал домой. Ничего другого ему не оставалось, это он понимал.

Он шёл, не смотря по сторонам, а бандиты расступились и пропустили его. Он глядел прямо перед собой из-под низко надвинутой на лоб шапчонки. И ни разу не обернулся.

Он вспоминал, как его швыряли взад-вперёд, точно мячик, и всё только думал: а был ли хоть какой-нибудь толк от того, что он пришёл? И не сердится ли на него Петер?

Эльвис твёрдо решил сделать то, что задумал.

После драки в саду у Юлии он отправился прямо домой. Как только мама ушла и телефон был свободен, Эльвис позвонил дедушке.

Ему повезло. Дедушка сам снял трубку.

— Давай отпразднуем мой день рождения сегодня! — предложил Эльвис. — Идёт?

— Идёт, — ответил дедушка.

— А ты не мог бы приехать сразу?

— Я только помоюсь и переоденусь, — сказал дедушка, — а потом сразу приеду.

Сам Эльвис и не думал переодеваться. Он спросил:

— Ты в чём?

— Известно в чём, — ответил дедушка, — я чистил хлев.

— Отлично! — воскликнул Эльвис. — Не переодевайся!

— Да что ты, — сказал дедушка, — куда там! Бабушка нипочём не отпустит меня в таком виде, а тем более в город. Она всегда требует, чтобы, отправляясь в город, я был прилично одет.

— А ты ей скажи, что мы будем праздновать мой день рождения! — настаивал Эльвис.

— Вряд ли это поможет, — сказал дедушка, но всё же обещал попробовать.

Он сказал, что постарается приехать побыстрее, с первым же автобусом. Они условились встретиться у будки, где торгуют горячими сосисками. Так спокойней, никому не надо будет ничего объяснять.

Эльвис положил телефонную трубку и опять выбежал на улицу. А то вдруг ещё вернётся мама.

Эльвис пошёл напрямик к дяде из железнодорожной конторы и всё ему рассказал. Тот обещал помочь. Потом Эльвис сходил к заведующему экспедицией, и тот тоже обещал помочь.

С этими дядями хорошо: скажешь им — и они всё поймут. Они поостроже дедушки, но почти такие же толковые. И если что пообещают — сделают.

Под конец Эльвис сходил к своему приятелю — продавцу сосисок. Тоже очень толковый дяденька.

Там он и остался ждать дедушку.

Не прошло и четверти часа, как появился дедушка. Но совсем не в той одежде, в какой чистил хлев.

— Ничего не вышло. Уж очень бабушка строгая, — объяснил он. — Зря только время на это тратил. Ты ведь сам знаешь: с женщинами спорить бесполезно.

Да, это Эльвис знал. Он понимал, что дедушка старался как мог. Хорошо ещё, что он не в парадном костюме, а за этот можно не бояться — всё выдержит. Дедушка спросил Эльвиса:

— Как же Мы будем праздновать твой день рождения? Что ты придумал? Впрочем, давай сначала съедим по сосиске и за едой потолкуем.

Хорошее предложение, подумал Эльвис. Каждый взял по сосиске, и они сели на скамейку у будки. Эльвис рассказал дедушке про дом Юлии и о том, что там сейчас происходит.

Дедушка сразу всё понял. Он всегда всё понимает. Ясно, что Петера нельзя бросить на произвол судьбы. Действовать надо немедленно. Дедушка кипел от негодования.

— Я сейчас пойду туда и вправлю мозги этим болванам! — объявил он.

— Петер уже вправил, — сказал Эльвис.

Но дедушка не поверил, что Петер умеет вправлять людям мозги.

— Уж больно он сам молодой, — сказал он.

— Не-е-е! — возразил Эльвис, который очень гордился своим другом. — Петер умеет. Я сам слышал.

Тут как раз появились два других дяденьки — из экспедиции и железнодорожной конторы. Они уже кончили работу и пришли помочь Эльвису. Они тоже взяли себе сосиски и за едой принялись обсуждать с дедушкой план действий. Эльвис подумал: а может, позвать ещё того знакомого полицейского? Они и это обсудили с дедушкой. Но дедушка сказал:

— Не надо. Мы и сами справимся. Может, даже хуже будет, если бандиты увидят, что прибыла полиция. Чего доброго, тому полицейскому захочется позвать других, и, кто знает, может, тогда дело плохо обернётся.

Продавец сосисок тоже сказал, что запрет будку и пойдёт вместе с ними. А больше никто и не нужен.

Два дяденьки из экспедиции и железнодорожной конторы приехали сюда на грузовиках. Дедушка с Эльвисом сели в грузовик железнодорожной конторы — в тот, что побольше. А продавец сосисок сел в грузовик экспедиции. Все условились подъехать к дому Юлии одновременно.

Трясаясь в грузовике, Эльвис снова начал тревожиться за Петера. Вдруг с ним что-нибудь случилось, вдруг они опоздали...

— Сколько времени прошло с тех пор, как я тебе позвонил? — спросил он дедушку.

— Полтора часа, — сказал дедушка.

— Это много?

— Как сказать... Бывает, это всё равно что вечность. А бывает, полтора часа пролетят как один миг, — объяснил дедушка. — Смотря по тому, в каком ты обществе.

Ответ не слишком успокоил Эльвиса. Уж он-то хорошо знал, в каком обществе Петер...

— Ты за Петера боишься? — спросил дедушка. Эльвис кивнул. А дедушка сказал, что не стоит так уж волноваться. Человек, который умеет вправлять людям мозги, не пропадёт. Это куда важней, чем уметь драться.

— Да и мы вот-вот приедем, — успокаивал его дедушка. Грузовики одновременно подъехали к дому с двух сторон. Продавец сосисок спрыгнул на землю и отворил ворота, чтобы они могли въехать в сад.

Они въехали на широкую гравиевую дорожку, и тут Эльвис совсем разволновался. Что произошло? Бандитов нигде не видно. Кругом мир и тишина — ни шуму, ни драки.

Вот только в саду работают какие-то люди, они разгребают хлам. В разных местах они уже собрали его в кучи. Ещё кто-то возится с разбитой машиной. И даже в окнах дома то и дело мелькают фигуры, занятые уборкой. Всюду кипит работа. Даже на деревьях сидят люди и очищают ветви от мусора.

Эльвис, дедушка и остальные вылезли из грузовиков, и тут к ним выбежал Петер.

— Браво, Эльвис! — сказал он. — Молодчина!

Петер как раз ломал голову над тем, где раздобыть грузовик, который вывез бы с участка весь хлам. А Эльвис, оказывается, уже обо всём позаботился. Машины и в самом деле пришли, как по заказу.

Эльвис не верил своим глазам. Неужели это те самые бандиты наводят сейчас порядок в доме и в саду? Когда

Эльвис уходил отсюда, здесь была драка. Что же с ними случилось? Эльвис нипочём бы не поверил, что это те же самые парни, но это так.

— А что тут удивительного? — сказал Петер. — Вообще-то никакие они не бандиты, а такие же люди, как мы с тобой. Они тоже хотят жить хорошо и весело. Просто их подбили на плохое дело, и они сами перестали понимать, что хорошо, а что плохо. А теперь они снова это поняли.

— Как же вам это удалось? — спросил дедушка.

— Это им самим удалось, — ответил Петер. — Просто мы тут потолковали немного, и очень скоро они всё поняли. Один только не захотел понять. Но, увидев, что никто его не слушает, он сам убрался подобру-поздорову.

«Это он говорит про парня с машиной», — сообразил Эльвис. Парня того нигде не было видно. Он сбежал.

— И больше сюда не вернётся, — сказал Петер. — Остальные ребята не хотят его знать. Ему бы только всё ломать да портить, хотя своими руками ему лень даже это делать: он любит, чтобы за него всё делали другие. А сам он хочет только распоряжаться и командовать. Но теперь всё, точка.

Ребята прогнали его и снова стали как люди. Пусть Эльвис больше их не боится, они теперь совсем не злобные, а, наоборот, добрые и труда не чураются. Они сразу засучили рукава и начали убирать сад. И работа у них спорится.

— Надо им помочь, — заявил Эльвис. Петер сказал:

— Пожалуй, сейчас уже пора перетаскивать хлам в грузовики. И ещё надо подумать, как вывезти отсюда сломанную машину. А на уборке и без того много людей.

Дяденьки из экспедиции и железнодорожной конторы и продавец сосисок принялись за дело. Скоро оба грузовика были доверху нагружены хламом, а в саду стало снова уютно и хорошо. И всё произошло куда быстрее, чем можно было ожидать.

В самом доме тоже не осталось хлама, но там грязно, очень грязно.

— Чистоту наведём завтра, — сказал Петер.

На сегодня работа закончена. И грузовики уже должны были тронуться в путь, когда дедушка сказал продавцу сосисок:

— Давай заедем к тебе и привезём сюда сосиски, булки и горчицу — всё, что у тебя осталось. Нужно как следует накормить ребят. Я угощаю!

Когда грузовики, доверху нагруженные хламом, выехали за ворота, Эльвис и Петер пошли взглянуть на подсолнух. Теперь он и правда спасён. За него можно уже не бояться. Хорошо, что так: ведь уже совсем скоро бутон раскроется.

— Это Юлин подсолнух, — сказал Эльвис. Петер кивнул.

— Ещё четыре дня — и она вернётся, — сказал он.

— Ещё четыре дня?

Эльвис поднёс руку к глазам и стал считать: большой палец долой — остаётся как раз четыре пальца.

Скоро вернулись грузовики и остановились у ворот. Ребята подбежали к ним и стали помогать продавцу сосисок выгружать из кузова и относить в сад корзинки с едой. Он привёз также картошку и томатный соус и ещё огурцы, так что каждый мог выбрать себе угощение по вкусу.

И в саду устроили небольшой пир. А потом ребята начали обсуждать, как лучше распределить оставшуюся работу. Кто будет вывозить разбитую машину, кто — вставлять стёкла, а кто — строить забор. И ещё обсуждали, как получше убрать дом.

Сам Эльвис больше слушал, чем говорил, он только следил, чтобы ничего не упустили из виду. Например, про забор пришлось напоминать много раз: ребята о нём всё время забывали...

Неужели это те самые хулиганы сидят сейчас рядом с ним? Да они теперь и не хулиганы вовсе.

Та самая девчонка, которая тогда смастерила розги и грозилась убить Эльвиса, если он сболтнёт лишнее, сидит сейчас рядом с ним, намазывает на его сосиску томатный соус вместо горчицы и кормит его огурцами. Потом она дала Эльвису лимонаду. Ну совсем славная девочка! Все они теперь славные.



— Понимаешь, — сказал Петеру один из парней, — мы вообще-то не

думали здесь всё ломать... Что мы, бандиты, что ли?

— Ну да, понятно, — отвечал Петер.

Одна из девочек сказала, что у неё дядя — стекольщик, наверно, он согласится за небольшую плату вставить стёкла. В доме придётся сделать ремонт.

— Мы все сложимся и соберём деньги, — сказали ребята.

— Кроме вот этого малыша, — вдруг сказал кто-то. — Он-то ничего не ломал.

— Ясное дело! Конечно! Эльвис здесь ни при чём! — хором подхватили остальные.

Все с уважением глядели на Эльвиса. Никогда ещё на него не смотрело столько пар глаз.

— Молодец, Эльвис! — кричали ребята. — Умница! Потом стали петь песни, кто-то заиграл на гитаре, и все пустились в пляс.

— Замечательный день рождения! Правда? — сказал дедушке Эльвис, когда они шли домой.

— Самый лучший, на каком я когда-либо был! — подтвердил дедушка.

— И я тоже! — радостно воскликнул Эльвис.

Потом они поглядели друг на друга и увидели, что они перепачканы с головы до ног.

— Счастье ещё, что ты не надел парадный костюм, — сказал Эльвис в утешение деду.

— Только этого не хватало! — отозвался дедушка, пытаясь счистить с костюма грязь. — Да, бабушка удивится, где это я так перепачкался.

— Скажи, что мы отпраздновали мой день рождения! — посоветовал Эльвис.

Дедушка остановился и принялся оглядывать Эльвиса со всех сторон, стряхивая с него пыль.

— Тебе-то хуже моего придётся, Эльвис, — огорчённо сказал он. — Давай-ка я лучше пойду с тобой и заступлюсь за тебя.

Но Эльвис покачал головой. Тогда и вовсе разговоров не оберёшься. Будто он не знает, как мама относится к дедушке. Она подумает: это дедушка виноват, что Эльвис так перепачкался. А уж это было бы совсем несправедливо.

— Не надо за меня заступаться, — сказал Эльвис. — Ты успокой бабушку, а уж я успокою маму. Мне не привыкать.

Бабушка положила на кухонный диван свёрток с вещами и еле слышно вздохнула.

— Да, вот последние вещи Юхана, — сказала она.

В кухне стало тихо.

Бабушка села на диван и начала перебирать вещи, которые привезла с собой. Она привезла их, конечно, для Эльвиса.

Все молчат. Мама подходит к плите, берёт кофейник, чтобы его ополоснуть, и долго держит его под струёй воды.

Эльвис смотрит на бабушку: она сидит, поглаживая руками вещи Юхана. Эльвис любит бабушку, но скучает всегда больше по деду. Бабушка такая тихая, она почти всё время молчит. Когда вместе с ней приезжает дед, это ничего, что она молчит, но стоит ей приехать одной, как вот сегодня, — в доме сразу становится необычайно тихо. Эль-вису ужасно не хватает дедушки. Когда дедушка приезжает один, Эльвис не скучает по бабушке, он даже не вспоминает о ней. Хотя это несправедливо. И нехорошо.

Мама наконец ополоснула кофейник.

— Надеюсь, вы выпьете чашку кофе? — говорит она.

— Да, спасибо, — еле слышно отвечает бабушка.

Зато очень хорошо слышно, как мама с размаху ставит на плиту кофейник. И как хлопают дверцы буфета, когда она вынимает оттуда чашки и блюда. И стук противня, на котором лежит пирог. Все звуки, которых обычно не замечаешь, становятся особенно громкими всякий раз, когда приезжает бабушка. А потом, когда стол уже накрыт, а мама спиной ко всем стоит у плиты, дожидаясь, пока вскипит кофе, тогда уже слышно только, как капает вода из крана, который никогда не удаётся завернуть до конца.

Мама тоже всегда смолкает при появлении бабушки. Она угощает её кофе, но почти всё время молчит. Даже про Эльвиса и про то, какие глупости он вытворяет, она не рассказывает.

— Бабушка ничего не понимает в детях, — говорит мама. — Бабушка принимает детей всерьёз.

Мама говорит, что бабушка скучный человек. С другой бабушкой, маминой мамой, куда интересней разговаривать. А другой дедушка, мамин отец, гораздо «приличнее» папиного: он «за галстук не закладывает».

А Эльвис любит и тех и других, хотя больше всего дружит с папиным папой. Они с ним одинаково смотрят на жизнь.

Кофе готов. Мама садится к столу, прямо напротив бабушки.

Эльвис сидит у края стола. Мама разливает кофе. И Эльвису тоже наливает чашечку.

— Неужели ты даёшь мальчику кофе? — спрашивает бабушка.

— Он всегда пьёт с нами кофе, — коротко отвечает мама.

— Да какая от этого польза, — говорит бабушка. — А молока у тебя нет?

Мама со вздохом встаёт, вынимает из холодильника кувшин с молоком и молча ставит на стол. Видно, что она сердится.

Эльвис не знает, что делать. Его чашка доверху полна кофе, а теперь перед самым его носом ещё поставили молоко.

Может, сначала выпить кофе, а потом — молоко?

Эльвису всё равно, что пить: кофе или молоко, какая разница. А вот для мамы и бабушки это почему-то очень важно. Мама раздражённо помешивает ложкой кофе, а бабушка не сводит глаз с молока. Обе молчат.

Эльвис протягивает руку и берёт сдобную булочку. Мама шлёпает его по руке, так что булочка летит назад, в хлебницу.

— Не лезь первым! Подожди, пока возьмёт бабушка!

Взяв хлебницу, она подносит её бабушке.

Бабушка протягивает слегка дрожащую руку. Но так и не берёт булочку. Вместо этого она вдруг приподнимает крышку кофейника, потом берёт у Эльвиса чашку и выливает почти всю в кофейник, оставив лишь немного на дне. Потом она кладёт в чашку два куска сахара и перемешивает их с остатком кофе. Затем бабушка доликает чашку молоком до самого верха, так что получается светло-коричневая бурда. С довольным видом бабушка ставит чашку на место.

— Это кофе в молоке, — говорит она, и щёки её вдруг розовеют. — Кофе в молоке Юхан любил больше всего на свете.

Мама незаметно хмыкает. Она отпивает из своей чашки большой глоток, но ничего не отвечает. Эльвису и раньше случалось пить «кофе в молоке». Он не против. Запах от него правда какой-то особый, юханский, но корки в таком кофе мочить хорошо.

— А теперь мне можно взять булочку? — спрашивает он.

— А вы уже брали булочку? — обращается мама к бабушке.



И бабушка поспешно берёт булочку, а затем придвигает хлебницу Эльвису. Она показывает на самую большую булочку и велит ему взять именно её. Маме, видно, хочется что-то сказать, но она, сжав губы, молчит.

Эльвис берёт самую большую булочку, и бабушка улыбается. У неё опять розовеют щёки: видно, что она довольна. Эльвис тоже улыбается ей.

После кофе мама велит ему примерить вещи Юхана: может быть, придётся что-нибудь поправить. Эльвис послушно делает всё, что ему велят, — не потому, что ему нравится примерять одежду, а потому, что ему жаль бабушку. Он знает: она радуется, когда видит на нём вещи Юхана. Наверно, тогда она вспоминает Юхана и ей это приятно.

И ещё ему жаль бабушку потому, что она должна притворяться, будто Юхан куда-то уехал. Она всегда притворяется. И зачем только она это делает? Эльвис не понимает. Он смотрит на бабушку. Может, сказать ей правду? Сказать, что он всё знает?

Эльвис оглядывается на маму. И решает: нет, он ничего не скажет. Маме это не понравится.

— Да, на тот год вам уже придётся самим покупать мальчику вещи, — тихо произносит бабушка. — После Юхана больше ничего не осталось.

— Понятное дело, — говорит мама.

— Это его последний нарядный костюм, вот тот, что сейчас на Эльвесе, — продолжает бабушка, задумчиво глядя на внука. Она складывает руки на коленях. — Мы купили этот костюм в ту осень, перед самой... — шепчет она.

Потом, уже чуть погромче, она говорит, что Юхан так и не успел дорасти до этого костюма. И что в рукавах и штанинах ещё много можно выпустить. Хотя сейчас он и Эльвису тоже великоват.

Эльвис это заметил. Вещи Юхана всегда были ему велики. И он не успевал до них дорасти, потому что изнашивал их ещё раньше. Что-что, а изнашивать вещи Эльвис умеет.

Мама оглядывает его и качает головой.

— На этом мальчике костюм долго не проживёт! говорит она, кивая на Эльвиса.

Бабушка широко раскрывает глаза.

— Ты береги этот костюм, Эльвис, — серьёзно говорит она. — Твой дядя Юхан очень обрадовался, когда получил его в подарок.

— Сколько лет было Юхану, когда... когда он уехал? спрашивает мама.

Бабушка уже поднялась из-за стола, собираясь уйти. Она отвечает:

— Сейчас скажу. Ему было ровно столько, сколько сейчас Эльвису. Шесть лет, шесть месяцев и восемнадцать дней. Вот почему я сегодня приехала к вам и привезла костюм.

— И когда это было? — спрашивает мама.

— Двенадцать лет назад... Сейчас ему исполнилось бы девятнадцать.

Эльвис недвижно стоит в костюме Юхана. Мама глядит на него. Вот такой взгляд у неё бывает, когда по телевизору показывают что-нибудь грустное. А бабушка глядит на кран, из которого всё капает и капает вода.

Вдруг мама вскакивает со своего стула и так сильно стискивает Эльвиса в объятиях, что, пошатнувшись, он ударяется об мойку.

Но мама тут же отпускает его, потому что Сессан кидается к ней и начинает лаять и скулить.

— Что, приревновала меня? — смеётся мама и берёт собачонку на руки. — Приревновала, да? Вот тебя-то хоть приласкать можно, — продолжает она. — Ты небось не упадёшь, не стукнешься об мойку, как этот увалень.

Она кивает в сторону Эльвиса, но как будто не сердится. Когда она назвала его увальнем, он подумал, что она сердится. Но тут ему вдруг

пришло на ум, что она, наверно, ничего плохого не думает, когда говорит злые слова. Может, она просто не умеет сдерживаться и говорит такое. Совсем новая мысль!

Бабушка уходит, а он всё продолжает думать об этом. Хорошо, если так. Может, мама вовсе и не думает всего, что говорит? А он-то думал, что думает...

Может, и сам он тоже не думает всего, что говорит?

Мало всяких злых и глупых слов он говорил, что ли?...

Правда, когда он их говорил, то думал, что он и вправду всё это думает, но только думал ли он? Если так, это ужасно...

Нет, наверно, человек не всегда сам понимает, что говорит. Об этом всегда надо помнить.

Тогда, может, он зря злится и обижается, когда мама его ругает. И может, не стоит так удивляться, что мама сердится, когда он сам ей грубит.

Эльвис не спеша стягивает с себя парадный костюм Юхана, который болтается на нём, как на вешалке. Юхан не мог до него дорасти, потому что был слишком слаб, а Эльвис не дорастёт потому, что он слишком крепкий. Эльвис подносит брюки к глазам и разглядывает их. Раньше они шагали в ногу с Юханом, когда он надевал парадный костюм. Теперь они будут шагать в ногу с Эльвисом...

Он знает, что сегодня ему шесть лет, шесть месяцев и восемнадцать дней. Теперь с каждым днем он будет становиться всё старше и старше Юхана.

Что он знает, то знает.

Подходит мама, берёт брюки и вместе с пиджаком вешает в шкаф.

Потом она включает приёмник, который молчал всё время, пока у них в гостях была бабушка.

— Бабушка устаёт от радио, — говорит мама, — голова-то у неё старая.

— Я тоже устаю от радио, — говорит Эльвис. — Хотя у меня голова совсем новая.

Но мама не слушает его. Ему хочется прокричать ей эти слова прямо в ухо, но он успевает одуматься.

Зачем кричать? Ведь ему за это попадёт.

Эльвис выбегает на улицу и идёт к дому Петера. Хорошо бы его встретить. Но вдруг Эльвис застывает на месте и поднимает руку. Сначала он загибает большой палец, потом — мизинец.

Всего три дня осталось до возвращения Юлии.

Папа вдруг решил, что Эльвис должен выучиться кататься на велосипеде.

— На это есть особая причина, — сказал он.

— Какая причина? — спросил Эльвис.

Но папа больше ничего не хотел говорить.

— Узнаешь потом, когда выучишься, — ответил он.

Мама насчёт этого не согласна с папой. Слишком рано, говорит она. Мал ещё Эльвис для велосипеда, можно и подождать.

Сам Эльвис, понятно, хочет кататься. Что может быть лучше: мчаться с Петером на велосипеде по лесным дорогам и тропкам...

Хотя... у велосипеда ведь только два колеса, на вид это небезопасно — того и гляди, — свалишься! А Эльвису страшно свалиться. Он очень боится падать. Не потому, что больно, а просто падать страшно.

Самое плохое — пока падаешь. А когда уже свалился и лежишь на земле, это уже не так страшно.

Когда папа вытащил старый мамин велосипед и позвал Эльвиса, у него от страха внутри все сжалось.

Он ни слова не проронил в ответ, просто пошёл за папой. А сердце так и прыгало. Прыгало в груди, как мячик.

Они свернули к улице, где почти не было движения. Здесь папа будет учить его кататься на велосипеде.

Хоть бы это у него вышло!

Раз уж ничего не получилось с футболом — хоть бы научиться немножко ездить на велосипеде! Ведь и плавать он тоже не выучился, хотя папа два лета подряд бился с ним как мог. Эльвису очень хотелось, чтобы у него хоть что-нибудь получилось!

Папа просто по своей доброте хочет выучить его кататься, это ясно. Другое дело — футбол и вообще спорт: папа всегда злится, говоря, что из Эльвиса спортсмен не выйдет. А сейчас у него вид счастливый и таинственный — он говорит, что Эльвис должен выучиться кататься: «На то особая причина». Эльвис и правда хочет научиться, он будет стараться изо всех сил...

Сначала папа показал ему, как он сам катается — ездил то туда, то сюда, а Эльвис смотрел. Наверно, кататься совсем легко, так же легко, как птицам летать.

Но когда Эльвис сам сел на велосипед и попробовал прокатиться, это оказалось очень трудно. Он тяжело повис на руле, а ноги болтались над педалями. И всё без толку...

Он был неподвижен, как чурбан, и при этом дрожал всем телом. Папа крепко придерживал велосипед, Эльвис мог не бояться, что упадёт, а всё-таки боялся. Обычно он не злился на себя самого, но тут здорово разозлился. И чем больше он злился, тем меньше слушался его велосипед.

Папа старался, мучился, бился с ним. Он показал Эльвису, куда ставить ноги и как вертеть педали. На всякий случай держал и седло и руль. Всё без толку. Эльвис цеплялся за руль и вёл себя как дурачок. Значит, у него и к велосипеду тоже нет способностей, это яснее ясного. Ему искренне жаль папу, который так старался, а всё только зря.

Правда, сейчас папа уже больше не старался. Он стоял, склонившись над велосипедом. А Эльвис, сжавшись в комок, сполз к переднему колесу.

— Что ж, пойдём домой? — спросил папа.

Эльвис сидел не шелохнувшись и мрачно глядел на свои неуклюжие ноги.

— Ничего из меня не выйдет, — сказал он, больше для того, чтобы утешить папу.

— Что, что? — спросил папа. Он посмотрел на Эльвиса. Потом сказал: — Нет... почему же?... Что-нибудь обязательно выйдет...

Правда, было не похоже, что сам папа в это верит.

Они побрели назад, катя старый мамин велосипед. Сердце Эльвиса больше не прыгало в груди, как мячик. Оно было тяжёлое, как отсыревший ком, как сам Эльвис.

Но тут папа начал его утешать. Никому ещё не удавалось научиться ездить на велосипеде с первого раза, сказал он. Даже самому папе. А он ведь такой замечательный спортсмен. Ему тоже пришлось довольно долго учиться. Надо только не сдаваться. И Эльвис, конечно, тоже научится мало-помалу. Нужно только терпение.

Эльвис ничего не ответил. Но в душе дал себе слово, что не сдастся. Он хочет выучиться, и он выучится. Хотя он понимает, что для этого придётся много поработать. Хорошо бы придумали, как переделывать неспособных детей. Тогда они стали бы способными на радость своим родителям. А сам человек при этом не менялся бы. Эльвису, например, неохота меняться. Он хочет остаться таким, какой он есть. Он вовсе не хочет стать другим. А то ещё вдруг станешь мальчиком, у которого нет своей Тайны!

Когда они с папой вернулись домой, мама сказала:

— Сейчас же едем на дачу! Нас пригласили в гости соседи — те самые, что ездили в Италию.

— Но ведь ты не хотела с ними встречаться, — сказал папа. — Ты же говорила, что они слишком много хвастают!

— Они и правда хвастают, — говорит мама.

Но всё равно она сгорает от любопытства — соседи обещали показать всё, что купили в Италии.

— Зачем же ехать? Чтобы ты им потом завидовала? — недовольно говорит папа.

Но всё равно выходит так, как хотела мама. Родители едут на дачу, и Эльвис должен ехать вместе с ними. Он бы куда охотнее сходил к Петеру, но не решается это сказать. Он устал от катанья на велосипеде, и ему жаль папу. Сначала учить дурачка-сына кататься на велосипеде, а потом весь вечер сидеть у соседей и слушать, как они хвастают. И кстати, заранее известно, как потом будет злиться мама, а всё потому, что она не может купить себе такие же вещи. Да, неудобно будет ехать назад.

Но делать нечего. Правда, по пути на дачу мама в отличном настроении. Про сегодняшний урок она сказала:

— Ничего! Чем дольше Эльвис будет учиться ездить на велосипеде, тем лучше.

Потому что она нипочём не решится выпустить его на улицу с велосипедом, когда там такое движение. Очень уж она за него волнуется.

За городом быстро темнеет. Но воздух тёплый и мягкий, и на небе зажигаются звёзды. Небо — точно весенний сад, в котором вдруг расцвели подснежники. Вот бы здорово покататься на велосипеде по небу!

Эльвис не пошёл с родителями к соседям. Ему и так всё видно и слышно: ведь соседская дача прямо напротив. Они все сидят на веранде, где лампы в цветных абажурах, и звёзд не замечают...



Сюда с веранды долетает, каждое слово, да только Эльвису неохота прислушиваться. Как раз сейчас мама рассказывает соседям про Петера: «Этот обаятельный молодой человек пытается как-то обтесать моего сына». Что уж там слушать!

Эльвис идёт в сарай и вытаскивает из-под кучи дров полено, за которым лежит шкатулка с «секретами» Юхана. Кусочек, на котором нарисован таинственный глаз, оказался частью мозаики — это теперь ясно. Но вот ключик?.. Эльвис вынул его, вышел из сарая и присел на кочку.

На мягких лапках подкралась Сиппан и застыла в траве, в нескольких шагах от Эльвиса.

Он поманил её рукой. Она подошла ближе, без страха. Вот она уже совсем рядом. Они заглянули друг другу в глаза, как всегда при встрече, и он показал ей ключик, который красиво поблёскивал в потёмках. Потом он стал раскачивать его перед её глазами, как маятник. Кошка ударила по ключику лапкой — в точности, как раньше, когда Эльвис и Сиппан неразлучно играли вместе. Сиппан всегда любила блестящие вещи.

Эльвис тихо беседовал с кошкой. Скоро она влезла к нему на колени и улеглась. Он осторожно гладил её по спинке, и она замурлыкала, как в прежние времена. Эльвис страшно обрадовался: он уже думал, что она разучилась мурлыкать.

Так они тихо-тихо просидели вдвоём весь вечер. Временами с неба слетал подснежник, и они следили за ним глазами, пока он не исчезал.

Эльвис поглядел на ключик, который таинственно поблёскивал у него на ладони. Он думал: много ещё пройдёт времени, пока он отыщет замочек, к которому подходит этот ключик. И хорошо, что много. Ведь он когда-нибудь всё равно его найдёт, он это знает. Потому что так задумал Юхан.

Когда Юхан спрятал ключик в кармане курточки под подкладкой, он, понятное дело, сделал это нарочно. Чтобы кто-нибудь когда-нибудь его нашёл. А тот, кто найдёт ключик, отыщет потом и замочек. Это ясно. Он и сам рассудил бы точно так же.

Значит, надо искать замочек. Только не сейчас. Тайну ключика лучше приберечь: будет о чём мечтать. И Юхан решил бы точно так же, если мог бы прожить столько же, сколько Эльвис.

Эльвис поднял ладонь, в которой лежал ключик. Сначала он загнул большой палец, затем мизинец. Потом секунду подумал и загнул также безымянный. Оставил лишь средний палец и указательный.

Всего два дня до приезда Юлии!

В доме, где жила Юлия, теперь снова чисто, красиво, и в саду тоже. Петеру пришлось переселиться туда, чтобы стеречь дом, пока не будет решена его судьба. Он взял с собой кровать, стол и стул. И большую клетку Совушки, а также все свои книги.

В саду у каштана стоит его велосипед.

Эльвис вошёл в сад. Щитки велосипеда сверкали на солнце. Эльвис остановился и оглядел велосипед. Потом подошёл, взял его за руль и выкатил на дорожку.

Может, на велосипеде Петера легче выучиться?

Тут его из окна окликнул Петер:

— Привет! Сейчас приду!

Эльвис стоял, держась за руль велосипеда, и ждал. Подошёл Петер, и Эльвис рассказал ему про вчерашнее: как папа хотел научить его кататься.

— Как ты думаешь, я выучусь? — тревожно переспросил Эльвис.

— Конечно, выучишься, — сказал Петер, — только не на этом велосипеде. Этот велосипед для тебя слишком велик, — объяснил Петер. — Вот почему папа взял мамин велосипед, а не свой собственный. Но в сарае стоит Юлин велосипед, он даже поменьше мамино.

— Думаешь, нам можно его взять? — спросил Эльвис.

— Да, думаю, можно. Юлия только обрадуется, когда узнает, что её велосипед тебе пригодился.

И они пошли за Юлиным велосипедом. Он был красивый, ярко-красного цвета, лёгкий и совсем не страшный. Петер стал накачивать шины, а Эльвис прыгал от нетерпения.

Но и на этом велосипеде Эльвис не мог кататься. Разве что чуть-чуть лучше вчерашнего. Правда, ему уже не казалось, что он такой ужасно тяжёлый. Хотя он, как и в тот раз, повис всей тяжестью на руле, но теперь уже не комом, а мешком. И не так ему было страшно. Петер спросил:

— Ну, как дела?

И Эльвис сказал то, что есть: он уже не ком, а мешок.

— Прекрасно, — сказал Петер. — Мешок можно вытряхнуть, а что сделаешь с комом?

И тут же начал изображать, будто он вытряхивает из Эльвиса хлам на мусорную свалку. Он высоко поднял его и начал его трясти, и оба хохотали. В мешке накопилось очень много хламу. Надо его как следует потрясти,

чтобы вытряхнуть всё лишнее, говорил Петер.

— Гляди! Вон! Видал? Вылетел большой мокрый серый ком! Знаешь, что это?

Эльвис глядел широко раскрытыми глазами. Ему даже казалось, будто он видит большой серый ком, о котором говорил Петер.

— Ну, что? — затаив дыхание спросил он.

— Это всё твои враки, — ответил Петер. — Теперь ты больше никогда не будешь врать.

— Никогда? — спросил Эльвис.

— Думаю, никогда.

— Ты видел его? Наверное, он большой? — прошептал Эльвис.

— Будто сам не знаешь! — засмеялся Петер.

Эльвису тоже было смешно, хотя голова у него шла кругом. Ком-то, наверно, был огромный: сколько раз он врал маме, когда убегал из дому! А потом, когда возвращался назад и не хотел говорить, где был...

— Видно, и в самом деле громадный ком, — согласился Эльвис.

Петер взмахнул ногой, как футболист, который бьёт по мячу.

— Всё!

— Что всё? — спросил Эльвис, задрав голову.

— А все твои враки! Улетели на небо! — ответил Петер. — Ну как, доволен?

И они снова принялись за дело: точно так же Эльвис избавился от упрямства, от привычки таскать у мамы сладости, рыться в её коробке для рукоделия и ещё от многих других грехов, почти уже забытых.

— Хватит! — сказал Петер. — А не то станешь таким лёгким, что велосипед выскочит из-под тебя и укатится! Ну, попробуем опять покататься?

Но Эльвис никак не мог успокоиться. Он бегал по саду и хохотал во всё горло, сам не зная, почему ему так весело.

Наконец он всё же успокоился и смело подбежал к велосипеду, у которого стоял и ждал Петер.

Эльвис встал на педали, прочно упёрся в них ступнями и начал вертеть их взад-вперёд, взад-вперёд. Седло только упиралось ему в спину — сесть на него он не мог, но зато он хорошо крутил педали, и велосипед покатился вперёд.



Это было удивительно, просто чудесно. И совсем не страшно, потому что Петер поддерживал седло и бежал за велосипедом.

Эльвис так и ехал бы всю жизнь — до того весело у него было на душе. И он педалил, педалил. Взад-вперёд по дорожке между калиткой и домом.

Ещё немного — и Петер, выпустив седло, стал придерживать багажную сетку. Эльвис ничего не заметил. Он только крутил педали и рычал, изображая мотор.

Петер снял руку с багажной сетки.

Эльвис один ехал на велосипеде.

Сначала он этого не заметил и продолжал спокойно катить дальше. Ему становилось всё веселей и веселей.

Но вдруг он увидел, что Петер бежит рядом, а вовсе не сзади, как надо... И машет ему рукой — той самой, которой держал седло.

И тут Эльвис сразу же грохнулся.

Он лежал, как подстреленный воробей, и елозил по земле руками, а сверху на нём лежал велосипед. Сначала Петер поднял велосипед, потом — Эльвиса.

Но он ничуть не ушибся, и нигде не было больно.

— Раз так, опять садись! — сказал Петер.

Эльвис молча сел на велосипед. Он даже не спросил, будет Петер держать седло или нет. Но Петер сам взялся руками за седло. Эльвис так и знал: второй раз Петер не даст ему упасть.

Всё же Эльвис ещё побаивался. И на этот раз упал, как только Петер переместил руку с седла на багажную сетку. Но он не успел свалиться на

землю: Петер поймал его на лету. И он поехал дальше.

Теперь уже Петер долго не отнимал руки. Всякий раз, когда Эльвис оглядывался, он видел руку Петера у седла. Он не знал, что Петер лишь слегка касался его пальцами.

А потом между рукой Петера и седлом вдруг оказалось около десяти сантиметров.

Эльвис катил всё быстрее и пел. Петер подпевал.

Теперь между рукой Петера и седлом уже было с полметра.

Петер тоже побежал быстрее, он бежал теперь не сзади, а рядом с велосипедом, как прежде.

И Эльвис это увидел.

Петер снова помахал ему рукой, той самой, которой должен был держать седло.

Эльвис и это увидел.

Он стиснул зубы, перестал петь. Но он покатил дальше. Ведь теперь он умеет кататься! Вот только он чуть-чуть не въехал в стенку дома, ещё секунда — и он раздавил бы подсолнух, но вовремя остановился. Точнее, Петер остановил его.

Но Эльвис не спешил соскочить с педалей на землю. Петер не отпускал руку от велосипеда, а Эльвис удерживал равновесие. Педали — будто ступеньки под ногами. Когда он стоит на педалях, он почти одного роста с Петером. Отсюда ему хорошо виден бутон подсолнуха. Он вот-вот раскроется. Внутри уже светится золото. Цветок готов...

Эльвис отнял одну руку от руля. Он загнул на ней все пальцы, кроме одного, и сказал Петеру:

— Один день до приезда Юлии!

Дома Эльвис не стал говорить, что умеет кататься на велосипеде.

Он хотел сказать и даже заранее радовался этому. Мечтал выйти с папой и показать ему, как он умеет кататься. Он уже всё себе представил: и как он это расскажет папе и маме, и что они ответят ему, и как обрадуются.

Но как только он раскрыл рот, чтобы рассказать об этом, он почему-то не мог выговорить ни слова. Губы сомкнулись сами собой, и он был нем как рыба.

Такие вот странные вещи случаются с ним, когда он хочет что-то сказать. Эльвис сам не понимает отчего. Стоп, ни с места. Слова не выговоришь.

Но на этот раз даже хорошо получилось, что он смолчал.

Дело в том, что мама проговорила.

Вообще-то он не должен был об этом знать. Ему хотели сделать неожиданный подарок. Папа очень расстроился, что мама проговорила.

Она сказала:

— До чего же это глупо, что дедушка уже сейчас собрался подарить Эльвису велосипед! Как будто нельзя было подождать с этим годик-другой. Хоть бы он в школу сперва поступил.

Эльвис слушал, удивлённо раскрыв глаза.

Велосипед! Какой ещё велосипед?

Он, конечно, спросил, какой, и так долго приставал к родителям, что они ему всё рассказали.

У Юхана был велосипед.

Его подарили ему в то самое последнее лето его жизни. Но Юхан так и не научился кататься: он был слишком хилый.

Так что велосипед совсем как новенький, никто ведь на нём никогда не ездил. И теперь он стоит там в деревне — в сарае — и дожидается Эльвиса. И на нём висит замочек.

Дедушка хочет подарить его Эльвису уже сейчас — пусть ездит в школу на велосипеде. И папа считает, что это очень хорошо. А мама — что это глупо.

А что считает Эльвис? Он и сам не знает.

— Зачем спрашивать малыша? — говорит мама папе. — Вот уж глупее не придумаешь! Разве не ясно, чего он захочет? Он же не понимает, что я за него волнуюсь.

Эльвис молчит. Не может он ответить. Сейчас он и сам не знает, чего хочет. Слишком много разговоров вокруг этого дела.

Потом Эльвис остался один. И ему сразу стало ясно, чего он хочет!

Он позвонил дедушке по телефону и спросил:

— Говорят, у Юхана был велосипед?

— Ах, вот как! — сказал дедушка. — Вообще-то мы хотели сделать тебе неожиданный подарок... впрочем, неважно! Можно и так. Решай сам, когда ты возьмёшь велосипед, раз уж столько мнений на этот счёт! Бабушка тоже считает, что рановато дарить тебе велосипед. Она согласна с мамой.

Юхану потому подарили велосипед, что он мечтал о нём. И в деревне ведь нет такого движения, как в городе. Вообще-то Юхан не успел дорасти до велосипеда, но он был больной, и надо было хоть чем-то его порадовать. Конечно, он был слишком слаб, чтобы кататься. Он даже попробовать не мог. Но он так радовался велосипеду. То звонил в звоночек, то играл с замком. А велосипед всё так же стоит в сарае, как при Юхане. Никто с тех пор не прикасался к нему.

— Я думал, раз ты скоро пойдёшь в школу, велосипед тебе пригодится, — сказал дедушка.

Тут Эльвис всё ему рассказал.

И что он уже умеет кататься на велосипеде, и что он выучился этому вчера. Хотя дома никто про это не знает. И никто не должен узнать. Сначала Эльвис хочет ещё раз убедиться, что он умеет. Вчера катался... но вдруг он уже разучился?

— Не может быть! — сказал дедушка. Но Эльвис сказал:

— Никогда нельзя знать наверняка. Сегодня — одно, завтра — другое. Один раз, к примеру, я выучился ходить по планке. Помнишь, дедушка, низенькую такую белую планку на шоссе у тебя в деревне?

— У остановки автобуса? — уточнил дедушка.

Да, у остановки. Однажды Эльвис прошёлся по этой планке так же спокойно, как по самой обыкновенной дороге. На другой день он хотел показать своё искусство папе, но у него ничего не вышло, и он просто свалился. Дедушка-то понимает, да?

Он должен выучиться кататься получше, прежде чем это увидит папа. Одно дело — ехать на Юлином велосипеде, когда на тебя смотрит Петер, и совсем другое дело — ехать на мамином велосипеде, когда на тебя смотрит папа. Ведь так?

— Да, ты прав, — сказал дедушка. — Я тебя понял. Хорошо, что ты мне позвонил. Сказать по-честному, я уже давно гадаю, как лучше поступить с велосипедом Юхана. Мы с твоим отцом думали, что ты будешь

ездить на велосипеде в школу.

При чём тут школа? — возразил Эльвис. Зачем сейчас думать о школе? Скоро уже он пойдёт в школу, тогда и видно будет. Подумаем лучше о том, что будет ещё не скоро! Эльвис хочет приберечь велосипед на будущее. Приятно знать, что у тебя есть велосипед, есть о чём помечтать. С некоторыми делами лучше не торопиться. Почему никто этого не понимает?

— И то правда! — сказал дедушка. — Знаешь что? Когда захочешь получить велосипед, скажешь мне. И я сразу приеду к тебе с велосипедом.

— Как было в мой день рождения, да? — спросил Эльвис.

— Точно так, — сказал дедушка. — Сам и решишь, когда тебе лучше взять подарок.

— Хорошо, — согласился Эльвис. — Знаешь, когда другие решают за меня, всегда получается путаница. Чего только тогда не бывает!

— Я сам такой же, — сказал дедушка. — Я тоже люблю всё решать сам за себя.

— Только люди этого не понимают, — серьёзно сказал Эльвис.

— Ничего, мы их приучим, — ответил дедушка.

Поговорив с дедушкой, Эльвис тут же убежал, а то ведь, если вернётся мама, разговоров не оберёшься. Есть у него одно важное дело. В последнее время было столько разных хлопот, что он совсем позабыл о нём.

Чтение!

Он ведь почти выучился читать! А вдруг он уже опять разучился? Только этого не хватало! Ведь он сам только что сказал дедушке: никогда нельзя знать наверняка... Самое лучшее — заняться этим немедленно.

Завтра придет Юлия. А он ещё не прочитал её записку.

Скорей — на кладбище!

Сначала он побежал. Потом вдруг остановился и засунул руки в карманы. И дальше уже пошёл не торопясь.

Впереди вышагивала трясогузка. Если он обгонит её, она, конечно, испугается и улетит. А ей, может, вовсе не хочется улетать. Может, она хочет прогуляться пешком, мало ли какие у неё дела! Может, она что-то ищет.

Надо считаться с трясогузкой. Эльвис будет идти медленно, пока ей самой не захочется улететь. Да и зачем спешить? На улице хорошо. Скоро уже будет вечер.

Эльвис идёт туда, где спрятана картинка, на которой он попытался изобразить свою Тайну. Любопытно будет поглядеть на неё и подержать в руках. Давно он уже не брал её в руки. Всё это время ему было не до неё.

И записка Юлии лежит там же.

А Юлия завтра уже будет здесь.

Трясогузка всё вышагивает впереди.

Хорошо, что завтра приедет Юлия. Но это вовсе не значит, что надо так уж спешить. Прочтёт он её записку — это, конечно, здорово будет. Не прочтёт — прибережёт до другого раза. Кто знает, может, лучше и приберечь. Юлии-то всё равно. Ей, конечно, всё равно, когда прочтут её записку. Может, ей всё равно, кто её прочтёт. Может, ей только одно важно: чтобы поняли, что она написала.

А кто знает, поймёт он сейчас или нет. Чтобы понять некоторые вещи, нужно время.

А трясогузка всё вышагивает впереди. Иногда она вдруг отскакивает в сторону и с чем-то возится; тогда и Эльвис тоже останавливается и ждёт.

Да и беда ли это, что всё выходит не так быстро, как думаешь? Знать бы только, что придёт день, когда ты всё поймёшь. А он это знает. Это связано с его Тайной. Почти всё, наверно, связано с Тайной.

Сегодня пусть его ведёт трясогузка. Почему бы ему не приноровиться к ней? У него же есть на это время. А то ведь в последние дни он всё только бегал и суетился. Надо ведь и почувствовать вкус жизни тоже, как говорит дедушка. Хотя Эльвис, конечно, чувствует вкус...

По правде сказать, он только и делает, что чувствует вкус жизни и радуется. Он не может не радоваться. Можно ли брать от жизни ещё больше радости? Вот если бы у него был свой сад... Сколько бы он всего насажал!..

Наконец они дошли до кладбища. И трясогузка и он.

Эльвис остановился. А трясогузка поскакала дальше. Он стоял и глядел ей вслед, пока она не превратилась в крохотную точку далеко-далеко впереди.

Потом Эльвис отыскал то самое место под еловой изгородью, где он прятал свою Тайну вместе с запиской Юлии.

Только он собрался их вырыть, как вдруг сверху раздались громкие крики. Он поднял голову.

Вот! Сюда летит стайка белых чаек...

По ту сторону дороги лежал заброшенный сад, в котором даже не было дома. Чайки с криками кружили над садом. Чуть особняком стояла поросшая мхом старая яблоня. Завидев её, чайки стали кричать ещё громче и все разом устремились к дереву. Казалось, они что-то обнаружили, но Эльвис ничего там не видел.

Потом стайка опять взлетела, и все птицы теперь уже молча стали

кружить над яблоней. Это было очень красиво. Чайки парили в небе. И ни звука...

Вдруг — невидимый никому — в саду завёл свою песню чёрный дрозд. А чайки всё кружили, кружили...

Эльвис никогда ещё не видал такой красоты. Всё выше и выше взвивались чайки и всё так же водили круги, слушая песнь дрозда. Наконец они растаяли в выси, словно белое облако: облака всегда тают в небе...

Теперь Эльвису самое время достать картинку с изображением Тайны. Камень, под которым она лежит, всегда легко опознать. С камнем в руке Эльвис распрямился во весь рост и прочёл записку Юлии. Нет, он не научился читать.

Записка совсем короткая. Вот что в ней сказано:

«Я пишу это сейчас.

Я — это я.

Петер — это Петер».

Эльвис перечитал записку несколько раз. Да, вроде всё понятно.

Правда, он не совсем уверен, что понял всё до конца, — честно говоря, не совсем. Что-то ещё скрыто в этих словах.

Эльвис взял карандаш и приписал в самом низу:

«Эльвис — это Эльвис».

И всё равно он и сейчас не всё понял до конца, даже то, что сам написал. Всё это куда важнее, чем могло показаться на первый взгляд. Многое он поймёт только потом. Эльвис застыл с запиской в руках...

Чёрный дрозд окончил свою песню. Сейчас уже вечер. Сгустились сумерки. Там, где кончается еловая изгородь, стоит фонарь.

Эльвис снова зарыл в тайник картинку вместе с запиской.

Скоро загорится фонарь. Вот хорошо!

А завтра расцветёт подсолнух.

Это тоже очень хорошо!

